



**АЛЕКСАНДР  
ПЫЛЬЦЫН**

---

---

ПОДСТРОЧНИК ИСТОРИИ

# ПРАВДА О ШТРАФБАТАХ

**КАК ОФИЦЕРСКИЙ ШТРАФБАТ  
ДОШЕЛ ДО БЕРЛИНА**

## Annotation

Главный военно-исторический бестселлер.

Уникальные мемуары советского офицера, воевавшего в 8-м Отдельном штрафном батальоне (полевая почта 07380), прошедшего с ним от Белоруссии до Берлина и подробно, обстоятельно и честно рассказавшего об этом боевом пути – не приукрашивая «окопную правду», но и не очерняя прошлое.

Правдивые книги о советских штрафниках можно пересчитать по пальцам одной руки. И эта среди них – лучшая.

---

- [Александр Пыльцын](#)
    - 
    - 
    - [Вступление](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Конец ознакомительного фрагмента.](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
-

# Александр Пыльцын

## Правда о штрафбатах. Как офицерский штрафбат дошел до Берлина

Фото на обложке: Леонид Великжанин / Фото ИТАР-ТАСС

© Пыльцын А. В., 2016

© ООО «Издательство «Яуза», 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

\* \* \*

*Всем офицерам, штрафникам и командирам 8-го Отдельного штрафного батальона 1-го Белорусского фронта, трудными дорогами войны прошедшим от Сталинграда до Берлина, посвящается*

*Освищенные смертным ветром, в буранах, ливнях и в пыли, мы километр за километром к своей заветной цели шли.*

*Алексей Сурков*

## Вступление

*или Слово к читателю, в котором автор объясняет причины, побудившие его написать эту книгу, и выражает сердечную благодарность всем, кто вдохновил его на этот труд и помог в его осуществлении*

Свою часть Великой Отечественной войны до самой Великой Победы я прошел командиром взвода и роты в офицерском штрафном батальоне. Много лет меня волновала атмосфера какого-то странного умолчания в литературе, прессе и вообще в средствах массовой информации истории этих штрафных батальонов. Такой строгий запрет на информацию о штрафных батальонах и ротах породил массу всяческих домыслов, а затем уже и просто вымыслов и откровенной лжи об этом непростом явлении в истории Великой Отечественной войны. Как известно, штрафные батальоны и отдельные штрафные роты стали создаваться в 1942 году после приказа Народного Комиссара Обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 года, знакомого многим, как **Приказ Сталина «Ни шагу назад!»**, появившегося в очень сложный период войны, когда дальнейшее отступление грозило катастрофой для всей страны.

Но нигде в военных мемуарах видных военачальников об этих батальонах ничего не говорилось, а в Советской военной энциклопедии (до выхода в свет «Иллюстрированной энциклопедии Великой Отечественной войны...» Олма-пресс, Москва, 2006) о них было сказано только в общем, и применительно к армиям других стран. Даже нам, имевшим непосредственное отношение к этим воинским подразделениям, соответствующие органы тогда настоятельно рекомендовали не распространяться о них. Надо сказать, что и о нашем 8-м отдельном штрафном батальоне 1-го Белорусского фронта впервые открыто было упомянуто только в 1985 году – в очерке обозревателя «Комсомольской правды» И. Руденко. А в 1995 году Российское телевидение в серии телепередач к 50-летию Великой Победы под общим названием «Моя война», хотя и приблизительно (из моего телеинтервью), раскрыло сущность боевых действий нашего штрафбата.

Сберечь историю всего нашего героического поколения так важно сейчас, когда она, эта история, порой бессовестно, тенденциозно искажается, извращается некоторыми, с позволения сказать, «историками»,

писателями, да и просто временщиками, стремящимися на сенсационной полуправде нажить капиталы в буквальном и переносном смысле этого слова.

А хорошо бы помнить этим господам: **истина, гласящая, что высшей формой преступления является предательство прошлого, никогда не перестанет быть истиной.** И вот именно по отношению к ним, к этим предателям, псевдоисторикам, хочется привести пару строк из русских «Коробейников», изменив в этой песне всего **одну** букву и заменив всего **одно слово**, как это сделал (правда, по другому поводу) известный юморист Феликс Кривин:

Распрямись ты, **Ложь** высокая,  
**ПРАВДУ** свято сохрани.

Вот и прячут такие деятели разных рангов за своей многоэтажной ложью истинную правду об этих непростых страницах Великой Отечественной войны.

В «перестроечные» годы стали появляться, а перед 60-летием Победы особенно усилился в различных средствах массовой информации, и в первую очередь на телевидении, поток публикаций «популярных» авторов и телефильмов на эту тему. В них мода охаивать нашу военную историю привела к тому, что эти необычные воинские формирования стали освещаться как дикая смесь слухов о фронтовых офицерских штрафных батальонах, об армейских штрафных ротах с тюремно-лагерными порядками.

Особенно преуспел в фальсификации исторической действительности Эдуард Володарский, многотысячным тиражом издавший свой «Штрафбат», а затем и авторы одноименного «художественного» фильма. О том, какое воздействие на многих, не знающих истинной правды о штрафбатах, оказали эти «произведения», довольно ясно выразился бывший штрафник нашего 8-го штрафного батальона, ныне подполковник в отставке Басов Семен Емельянович.

Вот что он писал в харьковской областной газете «Время» по поводу тотального оболванивания телезрителя современными киноподелками:

*«Перед 60-летием Победы на экраны вышел телесериал «Штрафбат», который пользовался большой популярностью у людей, тяготеющих к запрещенным на долгие годы темам. В этом фильме очень много лжи. Показаны сплошь уголовники, играющие в карты и режущие*

друг друга. Герои сериала – бандиты, насилующие женщин, грабящие склады и так далее. У зрителей осталось впечатление, что в штрафбатах были только одни преступники-лагерники. Племянница одной моей знакомой, посмотрев этот фильм и узнав, что я был штрафником, воскликнула: **«Так он же уголовник! Его надо бояться!»** Было очень обидно...»

В канун 60-летнего юбилея Победы мне в составе делегации Межрегиональной организации общества «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области довелось побывать на гостеприимной земле Беларуси. Не буду живописать наши яркие, незабываемые впечатления от увиденного и почувствованного там, но вот о том, какое впечатление произвел «Штрафбат» Досталей и Володарского на участников Великой Отечественной, свидетельствуют строки из напечатанной в те дни статьи «А душа молода» о бывшей фронтовой медсестре Серафиме Ивановне Панасенко, которая посмотрела этот «художественный» фильм. Привожу дословную цитату из белорусской военной газеты «Во славу Родины»:

*«Большую часть войны стрелковый батальон, где служила медсестрой Серафима Панасенко, прошел плечом к плечу с фронтовым штрафбатом... Тема эта, после того, как на российском телевидении прошел нашумевший сериал, стала весьма популярной. Равно как и «блатные» песни, воспевающие «подвиги» рецидивистов, воров в законе и прочих «героев нашего времени». Наверное, к этому стандарту и постарались «подогнать» авторы свое телепроизведение...»*

Серафиму Ивановну, для которой тема войны – знакомая и родная, если можно так выразиться, этот телевизионный «шлягер» привел в настоящее негодование. Вместо реальных солдат-штрафников, с которыми ее однополчане брали Кенигсберг, форсировали Одер, шли в атаку на врага с криком «За Родину!», «За Сталина!», которых вовсе не нужно было выгонять на передовую под дулом пистолета, фронтовичка увидела в сериале обыкновенных бандитов-рецидивистов... А вместо удовольствия от фильма, снятого как раз в канун 60-летия Победы, в душе остались обида и боль».

К числу подобных фальсификаторов, несомненно, можно отнести и автора «документального» фильма «Штрафники» Льва Данилова, а также «романиста» Александра Белова с его книгой «Штрафбат. Кровь Серого». Да и многих других, кто писал или «вещал», не зная истинной правды об этом. Во всех этих «произведениях» штрафбаты – это подразделения, где смешаны в одну кучу штрафники из числа офицеров, солдат, да еще всякого рода уголовники: и «воры в законе», и «политические».

Видимо, главный подручный Гитлера, рейхсминистр пропаганды Геббельс был не первым, кто поклонялся известному постулату: «чем чудовищнее ложь, тем скорее в нее поверят». Но, оказывается, и далеко не последний.

Откликнулись на 60-летие Победы и «СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ XX века» (спецвыпуск № 3/2005 года). На яркой, цветной обложке этого журнальчика красуется фраза **«Штрафбат: пушечное мясо Великой Победы»**. Ну, чем не рожденное матерыми фальсификаторами и затертое уже выражение: «трусами немцев забросали», ставившее целью дегероизировать всю историю минувшей войны и доставшуюся нам действительно высочайшей ценой Победу в ней. Понятен лейтмотив авторов, хотя в статье Алексея Щербакова «В прорыв идут штрафные батальоны» более или менее правильно освещен вопрос о том, кого направляли в штрафбаты. Однако, со ссылкой на «командира штрафбата капитана Игишева», утверждается, что в 1944 году его батальон состоял почти полностью из эков, что, судя по нашему 8-му штрафбату, весьма сомнительно. Да и помещенная на обложке фотография актера А. Серебрякова в роли комбата Твердохлебова из известного неправдой фильма «Штрафбат», видимо, должна настроить читателя на определенное восприятие статьи А. Щербакова.

Умышленное смешение провинившихся офицеров, дезертиров и разного рода уголовников в одно понятие – штрафбат – характерно для многих, не знающих истины. Однако офицерские штрафбаты и штрафные роты может в какой-то степени объединять лишь общая принадлежность к понятию «штрафные», да, может быть, и возлагаемые на тех и на других особо сложные боевые задачи. Штрафбаты и штрафные роты были совершенно разными воинскими организациями. Они не были похожи между собой прежде всего по составу. **Штрафбаты состояли только из проштрафившихся офицеров. Неофицерских штрафбатов просто не было!** Штрафные же роты комплектовались рядовыми и сержантами, проявившими трусость и паникерство в бою, дезертирами или совершившими другие преступления. Часто в них направлялись и уголовные элементы, этапировавшиеся на фронт из мест заключения. Но только из числа тех, кто сам добивался отправки на передовую, кому совесть человеческая не позволяла в тяжелые для страны время быть вне рядов ее защитников. И то лишь после серьезной проверки их истинных намерений.

В Харькове, когда я там жил, мне довелось встретиться с бывшим командиром 5-й штрафроты 64-й, а затем 7-й гвардейской армии, полковником в отставке Михайловым Владимиром Григорьевичем. Мы

договорились о том, что обменяемся информацией о нашем опыте боевой работы со штрафниками в таких разных формированиях, как штрафбаты и штрафные роты. Однако судьба нам такого шанса не дала. Скоропостижная кончина Владимира Григорьевича помешала этому. Вскоре знакомый мне член Харьковского областного комитета Международного союза ветеранов войны Станислав Старосельцев дал мне возможность прочесть его публикацию о В.Г. Михайлове «Командир штрафной роты», помещенную в газете «Панорама» (октябрь 1999 года). Из нее узнал я некоторые подробности, которые привожу в нижеследующем фрагменте этой статьи.

*«Он принял этап заключенных, охраняемых усиленным конвоем. К большому удивлению охраны, эзков тут же, после короткой беседы, обмундировали и выдали им оружие с полным боекомплектом. Риск был огромен. Штрафная рота состояла в основном из людей, совершивших разного рода преступления... Были среди них и рецидивисты, отбывавшие длительные сроки наказания на Камчатке и Колыме. По общепринятой логике, ожидать от них следовало чего угодно. Но ни один не оказался впоследствии трусом, дезертиром или членовредителем... подчиненные лейтенанта Михайлова смело шли на прорыв, штурмуя, казалось бы, неприступные из-за огневой мощи высоты и населенные пункты. Жертвы были немалые.*

*За последние годы в средствах массовой информации появилось много публикаций, авторы которых утверждают, что штрафники шли в бой под страхом пулеметов заградительных отрядов. Словом, что-то вроде отчаяния обреченных. Да, была отчаянная храбрость – ведь даже легкое ранение штрафника расценивалось как искупление им вины с правом перевода в обычную действующую часть. Но чего не было – так это чувства обреченности, как и стоящих якобы за спиной штрафников заградотрядов... Версию о заградотрядах при штрафниках запустила во время войны фашистская пропаганда, а позднее эта версия использовалась либо в определенных интересах фальсификаторов нашей военной истории, либо была принята на веру по незнанию истории Великой Отечественной».*

Наверное, убедительнее не скажешь.

Были отдельные случаи, когда и в наш штрафбат поступали офицеры из числа ранее осужденных и уже отбывших частично наказание в тюрьмах или лагерях. Кардинально различались эти штрафные формирования, естественно, также по организации, уровню боевых навыков и боевому опыту.

Попалась недавно мне книга «Записки командира штрафбата» Михаила Сукнева (Москва, Центрполиграф, 2006). В ней тоже идет речь о



штрафбате, где «две роты офицерские..., одна из уголовников, одесских и ростовских рецидивистов... Нескольких привезли с приговорами к смертной казни – расстрелу. Это медвежатники, аферисты... 3-я рота – басмачи, 200 человек таджиков, туркмен и еще откуда-то из Средней Азии, по-русски якобы не понимающих...» Видимо, на Волховском фронте, о котором идет речь в книге, решили на время свести в один батальон все, что было «штрафного». Но это уже местная самодеятельность, ничего общего не имеющая с приказом № 227 и «Положением о штрафных батальонах действующей армии».

Кстати, за штрафбатами, как и за штрафными ротами, как следует и из приведенной выше статьи о командире штрафной роты Михайлове, никогда не выставлялись заградотряды, создаваемые в соответствии с тем же приказом № 227. Современным историкам при самом тщательном поиске не удалось обнаружить в архивах свидетельств того, что эти части гнали свои войска под дулами пулеметов и расстреливали отступающих.

Убедительно, с большой доказательной базой все эти и другие проблемы Великой Отечественной войны освещены в недавно вышедшей в свет уже вторым изданием книге молодого исследователя военной истории советского периода Игоря Пыхалова «Великая Оболганная война». Какой зубодробительный отпор дан в ней новоявленным клеветникам России! Отрадно нам, старшему поколению, что, несмотря на огромный наплыв антиисторических фальсификаций разного толка, не удалось этим предателям прошлого затуманить мозги всем, приходящим нам на смену поколениям. А значит, выживет истина, будет жить наша Великая Родина!

Об особенностях использования в боях именно офицерских штрафных батальонов и о том, что пришлось пережить за время пребывания в таком штрафбате, я и рассказываю в этой книге. Тем более что наш штрафбат, как говорят об этом документы войны, **формировался первым из всех штрафбатов** еще под Сталинградом. В ней использованы малоизвестные широкому читателю и ставшие мне доступными теперь архивные документы, хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны России (ЦАМО РФ, гор. Подольск).

Что же привело меня к мысли начать работу над этой книгой? Все послевоенные годы я все-таки надеялся, что из множества фронтовых штрафбатов, которых, например в 1944 году было 15 (а не «тысяча», как однажды утверждал Э. Володарский), найдется же кто-нибудь из очевидцев, кто сможет правдиво, на фактическом материале рассказать об этих уникальных формированиях Великой Отечественной как бы изнутри. Но, увы, правдивых публикаций так и не дождался.

Мои боевые друзья по штрафбату многие годы подталкивали меня на этот нелегкий, ответственный труд – написать для современников и потомков свои воспоминания о войне, именно *штрафбатовские*, и таким образом хоть частично, но опровергнуть ту ложь, которая наслои­лась за послевоенные годы.

У талантливого советского поэта Ярослава Смелякова есть такие строки:

И академик сухопарый,  
И однорукий инвалид —  
Все нынче едят мемуары,  
Как будто время им велит!

Видимо, само время повелело и мне взяться за это нужное и важное, на мой взгляд, дело. Особенно теперь, когда уже не стало многих из моих боевых товарищей, а тем более самих штрафников, и погибших в боях, и тех, кто выжил тогда, в огне войны, но не дожил до наших дней. Время неумолимо. Я как-то в одном из многочисленных интервью сказал, что **мы живем долго для того, чтобы успеть рассказать правду о той Великой войне**, о том, какие чувства тогда нас обуревали и какие ценности были в основе патриотизма, в основе безграничной любви к Родине. Любви, обеспечившей Великую Победу в невиданно жестокой войне с фашизмом, злейшим врагом всего человечества.

Рассказать правду – мой долг перед памятью погибших и перед теми поколениями, которые долгие годы старательно вводили в заблуждение всякого рода дельцы от истории и литературы злонамеренной ложью. Да и сами офицеры, попавшие в те годы по непростой военной судьбе в штрафбаты, оказались фактически оболганными, чего мы, старшее поколение, не должны оставлять без адекватной реакции.

На мои довольно долгие годы жизни вообще (мне уже не один год за 80!) и 40-летней армейской службы в частности выпало много событий, много встреч с людьми, разными и по характерам, и по той роли, которую они сыграли в моей жизни. Главная моя цель – через людей, с которыми меня сталкивали обстоятельства, через события, которыми заполнялась жизнь, показать не только штрафбат в войне, но и то непростое, но поистине героическое время. Ту эпоху, которая осталась теперь лишь в памяти представителей нашего, увы, уходящего, поколения победителей, о которой нужно знать и помнить тем, кто приходит нам на смену, чтобы **не**

**вырасти «Иванами, непомнящими родства».**

Дневников на войне мы не вели (офицерам переднего края, мягко говоря, это было «не с руки»), и самое трудное, что вначале казалось мне вообще непреодолимым, – это огрехи и провалы памяти, коварной памяти. Она с годами растеряла многие детали событий, названия сел и городов, в которых они происходили, фамилии и имена бойцов и командиров, с которыми бок о бок довелось пережить то нелегкое время.

В книге вообще нет ни одного вымышленного события, ни одного надуманного боевого эпизода. А теперь подлинность событий, происходивших в нашем штрафбате, подкреплена архивными документами того времени, любезно предоставленными мне Центральным архивом МО РФ (г. Подольск). И еще благодаря появившейся в июле 2006 года в газете «Красная звезда» статье полковника юстиции Андрея Мороза «Искупление кровью» (огромное спасибо ему!), свою книгу о нашем 8-м отдельном штрафном (офицерском) батальоне 1-го Белорусского фронта я по праву могу назвать **историко-документальной**.

Многочисленные отзывы на мою первую книгу **«Штрафной удар, или Какофицерский штрафбат дошел до Берлина»** так или иначе относили ее к документальным произведениям. Я приведу только малую часть их.

Вот, например, что написал мне **Юрий Васильевич Бондарев**, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, **признанный классик советской военной прозы**: *«Получил Вашу книгу, внимательно просмотрел ее. Материал интересный, скорее всего – не просто материал, а документ Великой Отечественной войны...»*

По представлению **Виктора Григорьевича Шевченко**, доктора юридических наук, члена Союза писателей России, **президента Российской Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка**, я награжден Почетным дипломом *«За большой личный вклад по восстановлению важных фактов из истории Вооруженных Сил периода Второй мировой войны»*, избран действительным членом этой Академии, награжден орденами «Петра Великого» III степени и «Святого князя Александра Невского» I степени. **Вице-президент** этой Академии, профессор **Залевская Ирина Федоровна**, написала мне: *«Вы автор профессиональной книги. И профессионализм ее, прежде всего, в высочайшей степени честности каждой ее строки. Ваш труд – уже история нашей страны»*.

А вот еще один документ, телеграмма от Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии СССР, **генерал-полковника Смирнова Александра Тимофеевича**, долгие годы бывшего моим

прямым начальником высокого ранга, которого все мы считали строгим, не очень щедрым на похвалы, но зато в высшей степени справедливым: *«Сердечное спасибо за книгу... Прочитал, не отрываясь. **Суровая правда и высокий литературный стиль, глубокая преданность Родине делают книгу бесценным даром в воспитании людей, особенно молодежи. Восхищен, искренне благодарю.**»*

Несколько строк из письма другого **генерал-полковника, Репина Ивана Петровича**, крупного политработника Советских Вооруженных Сил, с которым тоже пересекались мои военные дороги за долгие годы армейской службы: *«Выход в свет «Штрафного удара...» является **достойным вкладом в освещение истории Великой Отечественной войны.** Эта книга имеет большое значение для людей всех возрастов всего бывшего Советского Союза и особенно – для молодежи. **Книга поможет больше узнать о прошлой войне, о том, как ковалась наша Великая Победа в ней.**»*

Не могу удержаться от цитирования еще одного письма, полученного от доктора философии **Федора Васильевича Цанкайси, профессора Владимирского Госуниверситета**: *«Ваши «лейтенантские» мемуары **отличаются честностью, правдивостью,** которые обнаруживаются в деталях, в частностях, а не в декларациях и общих рассуждениях... Получилась **правдивая передача** атмосферы драматизма жизни. Останется добрая память не только внукам и правнукам всех, о ком эта книга, но и всем, кто ее прочитает».*

И несколько фраз из выступлений на презентациях моей книги:

**М.В. Ежов**, доктор исторических наук, профессор, президент Санкт-Петербургского отделения Академии военно-исторических наук:

*«Для историков и для интересующихся историей Великой Отечественной войны выход в свет такой книги – событие. Она **помогает преодолеть неправильное представление о штрафных батальонах, увидеть их боевую службу в реальном и правдивом освещении.**»*

**М.И. Фролов**, доктор исторических наук, профессор, вице-президент Академии военно-исторических наук: *«Автор «Штрафного удара» дает в книге **истинную картину событий,** без уклона в сторону какой-либо сиюминутной конъюнктуры, до сих пор довлеющей над многими фактами Великой Отечественной войны и порождающей небылицы.»*

**Г.И. Датчиков**, доктор философских наук, председатель Комитета ленинградских ветеранов-однопольчан, капитан 1-го ранга: *«В книге А.В. Пыльцына четкий, всесторонний **подход к историческим фактам с точки зрения истины.** Впервые в мемуарной литературе появилась книга,*

*которая по праву станет новым, честным откровением онезаслуженно забытых, но очень важных событиях прошедшей войны. Книга «Штрафной удар» – действительно ШТРАФНОЙ УДАР по тем, кто пытается фальсифицировать историю нашего общества...»*

**И.Ф. Клочков**, Герой Советского Союза, генерал-майор, лауреат Государственной премии имени Г.К. Жукова, участник штурма рейхстага, автор книги «Знамя Победы над рейхстагом»: *«Своевременность появления такой книги трудно переоценить. Это еще один источник правдивого освещения малоизвестных фактов минувшей войны... И всем нам необходимо использовать эту книгу в воспитательной работе во всех странах СНГ».*

**С.П. Летов**, полковник, заместитель начальника Кадетского ракетно-артиллерийского корпуса по воспитательной работе: *«Молодой человек, прочитавший книгу А.В. Пыльцына, сердцем поймет, что такое честь и достоинство офицера, и захочет стать им. В результате постоянного спекулирования информацией некоторых современных идеологов знания многих из послевоенных поколений о штрафных батальонах сформировались как о подразделениях, созданных из преступных элементов, а не из офицеров, сохранивших честь и преданность Родине... Спасибо автору за то, что открыл нам, воспитателям военной молодежи, нужный пласт военной истории, без которого невозможно правильно решать вопросы воинского обучения и воспитания».*

К 60-летию Победы издательство ОЛМА-ПРЕСС выпустило две книги, посвященные этому юбилею: «Иллюстрированную энциклопедию» и «Книгу для чтения» в двух томах. Оба эти издания ссылаются на мой «Штрафной удар» как на единственный документальный мемориальный источник по штрафным батальонам, чему я рад и чем могу гордиться.

А Законодательное Собрание Санкт-Петербурга, **высоко оценив историческое значение этой книги**, присудило ее автору Литературную премию имени Маршала Советского Союза Л.А. Говорова (1-я премия).

Моя безмерная благодарность всем, так высоко оценившим мой «Штрафной удар», и в первую очередь тем, кто помог мне восстановить в памяти многое из забытого. Это прежде всего мои боевые друзья, с которыми мне посчастливилось разделить судьбу офицеров, оказавшихся в штрафном батальоне, не будучи штрафниками, с кем хлебнул я вдоволь фронтовой жизни и кто смог своими воспоминаниями существенно обогатить материал, вошедший в эту книгу. Среди них – один из самых близких мне фронтовых товарищей – Валерий Захарович Семькин,

почетный гражданин одного из районов Воронежской области, подполковник в отставке, жестоко страдавший от последствий инсульта. Однако, несмотря на это, он находил в себе силы присылать мне очень важные сведения о нашей жизни на фронте. К великой моей скорби, он скончался от терзавшего его многие годы недуга, не дожив менее года до 60-летнего юбилея Победы.

Это и Петр Иванович Загуменников, тоже подполковник, живший до последнего времени в Полтаве, но, к сожалению, закончивший свой земной путь за 2 дня до 60-летия начала Великой Отечественной. Он успел прислать мне незадолго до этого прискорбного дня десятки страниц собственных воспоминаний о формировании нашего штрафбата перед Курской битвой уже по полному штату (около 800 человек) и первых крупномасштабных боевых делах его на Курской дуге, когда меня еще в батальоне не было.

Огромную помощь оказал мне своими письмами (несмотря на постигшую его слепоту) и сохранившимися у него материалами того времени мой земляк, боевой товарищ, 85-летний Алексей Антонович Афонин, живущий ныне под Новосибирском, в Ордынске, на берегу рукотворного моря. С ним мы не один месяц фронтовых будней провели в штрафбате бок о бок, и к кому я рискнул съездить в 2005 году, несмотря на свои преклонные года и неблестящее здоровье, чтобы еще раз пообщаться с моим фронтовым другом и «подзарядиться» его живыми воспоминаниями.

Это и другие мои боевые друзья-побратимы, которым, к сожалению, не суждено уже (все-таки очень коротка жизнь человеческая!) увидеть книгу, но чьи дела боевые и бесценные воспоминания тоже легли в ее основу.

А дорогие моей памяти имена, упоминаемые в описании боевых действий и фронтового быта, – эти имена по праву могли бы быть среди моих соавторов. Мне никогда не забыть уже ушедших из жизни Филиппа Андреевича Киселева, Василия Корнеевича Цигичко, Алексея Григорьевича Филатова, Моисея Иосифовича Гольдштейна и многих других, оставивших след в истории 8-го штрафбата, фамилии которых читатель найдет в конце двенадцатой главы этой книги.

Судьбе было угодно, чтобы именно в те дни, когда я работал над первой моей книгой «Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина», мне встретился живущий ныне в Харькове подполковник в отставке Семен Емельянович Басов, попавший еще в 1943 году штрафником в наш 8-й ОШБ под Курск, ныне перешагнувший 90-летний рубеж, но еще очень подвижный, хотя и страдающий многими

недугами. Угодил он туда военинженером 3-го ранга, чтобы искупить свою вину после побега из немецкого плена, хотя в плен он не сдавался, а попал по не зависящим от него обстоятельствам и, рискуя жизнью, бежал из плена, чтобы сражаться против фашистов.

На войне много несправедливостей вообще, но это одна из ряда вон выходящая. И совмещение приказа № 227 «Ни шагу назад!» с ранее изданным приказом Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 года по отношению бежавших из плена мне кажется и сейчас несправедливым.

Говорят, английская королева награждала орденом каждого бежавшего из вражеского плена. Не знаю, соответствует ли это истине, но логика здесь неоспоримая.

В штрафбате Семен Басов был ранен, «искупил вину свою», восстановлен во всех офицерских правах, но шлейф «вины» его за плен еще долго волочился за ним. Он начал и закончил войну, не продвинувшись в воинском звании ни на одну ступень, хотя ратным трудом своим заслужил на войне не один орден. Да и после войны и увольнения в запас этот шлейф долгие годы «перекрывал ему кислород». Только к 50-летию, а затем и к 60-летию Победы, уже будучи в отставке, он получил свои последние воинские звания. В этой своей книге я часто буду ссылаться на его воспоминания.

Не представляю себе, смог ли бы я восстановить даты событий, названия многих городов, рек, рубежей обороны и полос наступления, если бы, кроме свидетельств друзей-однополчан (вернее – «одноштрафбатовцев»), не воспользовался мемуарами таких известных личностей – военачальников, вошедших в историю Второй мировой войны, как маршалы Советского Союза Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, генералы А.В. Горбатов, П.И. Батов, С.М. Штеменко и многих других, а также официальной справочной военно-исторической литературой.

Серьезную помощь в поиске данных для моей первой книги «Штрафной удар...» о событиях тех лет, о полководцах, под чьими знаменами нам довелось сражаться, об оружии и военной технике времен Великой Отечественной оказал мне Харьковский исторический музей. Я сердечно благодарю также Рогачевский краеведческий музей, Мемориальный комплекс «Брестская Крепость-Герой» и руководство Гомельской области и Рогачевского района Беларуси, оказавшие сердечность и внимание участникам освобождения земли белорусской и предоставившие материалы, которыми я воспользовался, работая над книгой уже теперь.

Всем этим людям и организациям моя искренняя и безмерная благодарность.

Особую признательность выражаю вице-президенту «Общества «Знание» Российской Федерации», председателю Правления Межрегиональной общественной организации «Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области», академику Российской Академии гуманитарных наук, доктору экономических наук, профессору, ректору Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права Сергею Михайловичу Климову и заслуженному экономисту Российской Федерации Антонине Васильевне Ружа. Именно они первыми дали путевку в жизнь рукописи с моими воспоминаниями о реально существовавшем и воевавшем штрафбате, на который совершенно не похожи выдуманные Володарскими, Даниловыми, Достальями и другими сочинителями «киношно-детективные» штрафбаты.

Главное в своей работе над этой книгой я определил так: сложив свою память с памятью моих боевых друзей и доступными мне военно-историческими документами, создать более или менее цельный, зато истинно правдивый рассказ о реальном штрафбате. О том, что нам довелось увидеть, пережить и прочувствовать как в штрафбате, так и в ту, уже ушедшую, эпоху вообще.

И, конечно же, моя беспредельная благодарность нашей армейской «Звездочке», поместившей в июне 2006 года большую, основанную на строгом архивном материале и на ставшей уже известной моей первой книге «Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина» статью полковника юстиции Андрея Мороза «Искупление кровью» об истории именно нашего 8-го отдельного штрафного батальона 1-го Белорусского фронта.

На первое же мое обращение к редакции газеты другой Мороз, Виталий Иванович, заместитель главного редактора «Красной звезды», незамедлительно и любезно предоставил мне все имеющиеся в их распоряжении материалы, полученные из Центрального архива Министерства обороны России. А на мой запрос руководство Центрального архива МО РФ Чувашин Владимир Иванович, его помощник по комплектованию архивных документов И. Пермяков оперативно предоставили мне дополнительно необходимые документы по истории нашего штрафбата, использование которых позволяет мне с достаточным основанием считать всю книгу по-настоящему **историко-документальной**. Сердечная моя благодарность всем им.



Теперь, сквозь призму лет и событий, мы иначе, чем тогда, воспринимаем и оцениваем многие явления, вырывая их из обстановки, характерной именно для того времени. Объективности ради я старался не корректировать во времени ни своих чувств, ни своих впечатлений, ни даже, по возможности, своих оценок. И если я иногда к этому прибегаю, то только со ссылками на авторитетные источники.

Конечно же, то время в штрафбате нельзя оторвать от всего, что ему предшествовало, и от того, как оно повлияло на мою последующую воинскую службу и жизнь вообще. Поэтому по ходу изложения мне пришлось совершать экскурсы и в «доштрафное» время воинской службы, и даже в детские годы, ибо все это формировало и взгляды, и сознание, и мировоззрение, которые тем или иным образом проявлялись в боевой обстановке.

Да и хотелось как-то оттенить те моменты, которые так или иначе способствовали возникновению того самого советского патриотизма (который многие современные грамотеи презрительно называют «совковым»), обеспечившего Победу нашего народа в священной войне против фашизма, ставшей уже историей прошлого века.

В последние десятилетия появилось много «искателей правды», которые во всей непростой военной истории нашей страны почему-то выискивают и беспардонно преувеличивают только негатив. Эти политические перевертыши, да и просто заблудившиеся в истории, искажают, а чаще стараются оболгать и опошлить историю поистине Великой войны и нашей Родины нечистыми приемами, подтасовками, ложью, сокрытием или искажением фактов. Однако ***истина, гласящая, что высшей формой преступления является предательство прошлого, никогда не перестанет быть истиной.***

А многие «лжеисторики», да и просто хулители нашего советского периода задались целью изуродовать правду прошлого, сеют в умах пришедших нам на смену поколений определенный нигилизм, своего рода «дегероизацию», «депатриотизацию», неверие в героизм советского народа и его высокий патриотизм, проявленные в годы смертельной опасности, нависшей над Отечеством.

Как прекрасно ответил им в свое время поэт Ярослав Смеляков:

Я не хочу молчать сейчас,  
когда радетели иные  
и так и сяк жалеют нас,  
тогдашних жителей России.

Быть может, юность дней моих,  
стянув ремень солдатский туже,  
была не лучше всех других...  
Но, уж конечно, и не хуже.  
Мы грамотней успели стать,  
терпимей стали и умней,  
и не позволим причитать  
над гордой юностью своей.

Для человека естественно ностальгировать по времени своей молодости. Моя работа над книгой – тоже ностальгия, но не столько по времени, выпавшему на нашу боевую юность, сколько по той высокой любви к Родине, которая помогла нам преодолеть невероятные трудности и которую пытаются выхолостить из душ молодежи. Именно по любви к тому Отечеству, за которое полегли в землю мои боевые друзья, те офицеры-штрафники, с кем довелось мне делить их непростую фронтовую судьбу, мои братья и миллионы советских людей, беззаветно любивших Родину и отдавших за нее самое дорогое – жизнь.

То непростое время ныне, к сожалению, широко муссируется в средствах массовой пропаганды и, как правило, рисуется исключительно черными красками. Предатели героического прошлого нашей истории искусно (надо отдать должное) возбуждают негодование потомков по поводу социалистических ценностей и коммунистической идеологии, презрение к сталинскому режиму, будто тогда ничего положительного и не было. Не потому ли все чаще среди молодежи появляются всякого рода фашиствующие, а то и просто профашистские организованные группы. И это в стране, которая отдала разгрому международного фашизма столько сил и жизней.

Главной целью своей фальсификаторы и очернители нашей истории ставят внедрение в еще не окрепшие умы и души молодежи чувства безразличия, а подчас и ненависти к той великой Родине, которую мы, старшее поколение, защищали от фашистского нашествия, не жалея своей жизни. Эта преданность родной стране, которым был тогда для нас Советский Союз, останется с нами до самой кончины нашей. Так хочется передать высокое чувство патриотизма, преданности и любви к многострадальной Родине – России нашим потомкам, в будущее.

А завершить свое вступление я хочу тоже стихами, но написанными

моим сыном Александром, как обращение уже к своим детям, к совсем юному поколению:

*Замрите, слушайте, смотрите, ребяташки, дыханье затая, став чуткими втройне: ведь вы последние девчонки и мальчишки, которым суждено услышать о войне.*

Да, именно услышать, а не прочесть где-то в учебниках, в мемуарах, а тем более не в каких-нибудь не совсем правдивых, а то и откровенно лживых книжонках. **А именно услышать непосредственно от тех, кто сам все это видел**, кто своим героизмом, своей преданностью Родине смог заслонить страну свою от злейшего врага и обеспечить тем самым жизнь и будущее многих поколений в России, и не только.

Сознаю, что моя книга бессильна изменить что-либо в настоящем. Но надеюсь, она сможет хоть как-то выправить искаженные злонамеренной ложью представления о прошлом. А если хоть немного будет выправлено прошлое, значит, это повлияет в определенной степени и на будущее.

***Будь счастлив, дорогой читатель!***

***И пусть минет тебя чаша сия, о которой пишу с болью в сердце, испить которую ради жизни и счастья грядущих поколений довелось нам.***

***Автор.***

# Глава 1

*Откуда мы родом. Репрессии. Военное обучение в школе. Начало войны. Первый командир-политрук. Военное училище, лейтенант. На Дальневосточной границе. Направление – фронт. Уфа, Алкино, маршевые роты для фронта. За что в штрафбат?*

Начну со своей родословной. На первый взгляд это может представить мало интереса для современного читателя, но для характеристики той эпохи, в которой формировалось мировоззрение нашего поколения, и мое в частности, это, считаю, имеет определенное значение.

Родился я в конце 1923 года в семье железнодорожника на Дальнем Востоке, в одном из районов Хабаровского края.

Наш дом стоял так близко к железнодорожным путям, что когда проходил поезд, дом всегда дрожал, будто тоже собирался тронуться в дальний путь. И настолько мы привыкли к этой близости и грохоту железнодорожных вагонов, что когда перешли жить в новый, более отдаленный от рельсовых путей дом, то долго не могли привыкнуть к, казалось бы, неестественной тишине.

Отец мой, Василий Васильевич Пыльцын, родился в 1881 году. Он, костромич, по каким-то причинам (говорил об этом весьма неохотно и туманно), то ли от жандармского преследования, то ли от неудачной женитьбы, сбежал на Дальний Восток и даже поменял свою фамилию, которая у него ранее была, кажется, Смирнов.

По тому времени отец был достаточно грамотным человеком, имевшим в доме обширную библиотеку классиков и многолетнюю подшивку дореволюционного журнала «Нива». На всей моей детской памяти он был бригадиром путейцев, а затем и дорожным мастером на железной дороге. Вообще он был не только железнодорожным мастером. Мастер он был и на все руки. Домашняя, довольно замысловатая мебель и многое из металлической кухонной утвари, всякого рода деревянные бочки и бочонки под разные соленья и моченья были сделаны его собственными руками. Все он мог, все умел, вплоть до лужения кастрюль, умел даже огромной «продольной» пилой с кем-нибудь распустить толстенное бревно на аккуратненькие тоненькие доски. Кажется, в жизни не было дела или ремесла, которого он бы не знал.

В семье он был строг, и мы, дети, боялись одного его взгляда, хотя он

никогда не пускал в ход ремень и не поднимал на нас свою увесистую руку.

Несмотря на широкую общественную деятельность, особенно в области оборонных кружков типа «Осоавиахим» и пр., он всегда был беспартийным и любил называть себя «беспартийным большевиком». Однако в 1938 году за допущенную его подчиненным ошибку при ограждении участка работ по замене лопнувшего рельса, что едва не привело к крушению пассажирского поезда, отец был осужден на три года лишения свободы за халатность. Вышел он из заключения к самому началу Отечественной войны.

Между прочим, обладал он странной особенностью весьма громко разговаривать сам с собой. И где-то уже в конце 1941 года, вот так, без свидетелей, откровенно вслух негативно высказался по поводу того, что «Гитлер облапошил всех наших «гениальных» вождей», главный из которых (т. е. Сталин) попросту «просПал Россию». (Здесь я из этических соображений заменил одну букву в отцовской фразе.) Кто-то услышал это, донес куда нужно («стукачей» тогда было немало), и отец в соответствии с тогдашними порядками был репрессирован, выслан с Дальнего Востока куда-то на Север или в Сибирь, где его след и пропал. Не знаю, не мог или не хотел он о себе что-нибудь сообщать, но сведений о нем мы никаких так и не имели.

Однако перед этими событиями он совершил, казалось бы, необъяснимый поступок: приревновал нашу маму, скромнейшую женщину, все три года регулярно ездившую в колонию, где содержался отец. А «приревновал» он ее совершенно неожиданно для всех к человеку, который занимал его должность все эти три года, с которым много лет до этого состоял в очень близких, дружеских отношениях.

Таким образом, оставил он маму с малолетней дочерью, тогда как мы, все трое сыновей, служили в армии, причем старшие братья уже были на фронте. Это только значительно позже, уже после войны, я догадался об истинных мотивах его поступка. Зная, что я в военном училище готовлюсь стать лейтенантом, и чтобы «не помешать» мне, *сыну репрессированного*, окончить курс обучения, демонстративно бросил семью, женился на женщине, у которой было три дочери (и ни одного сына!), и публично отказался от своих детей.

Не знаю, как отреагировали на эту нашу семейную новость мои братья, к тому времени уже фронтовики. Я же, получив письмо сестренки о том, что отец якобы заявил, что мы все для него больше не семья, до глубины души оскорбленный его предательством, сгоряча ответил письмом, в котором были, помню, такие слова: «Если у тебя больше нет

нас, детей, то у меня больше нет такого отца». А он, совершив это, как мне показалось, предательское дело по отношению к своей семье, спокойно отправился в ссылку. Да, отец мой, оказывается, и здесь был на высоте, приняв на себя проклятие родных ради их же благополучия. Его репрессирование, как я представляю, наверное, не раз как-то сказывалось и на моей судьбе, но об этом в свое время. Однако пишу я об этом не потому, что нынче стало «модным» хоть чуточку быть причастным к репрессированным, к «врагам народа», а потому, что не все было так беспросветно тогда, как стремятся это непростое время размалевать черными красками современные толкователи нашей истории.

Мама моя, Мария Даниловна, была моложе отца на целых 20 лет и происходила из семьи простого рабочего путейца, широкой кости, крепкого сибиряка (как тогда говорили, «чалдона»), истинно русского, Данилы Леонтьевича Карелина, заядлого охотника, страстного пчеловода, работавшего под началом моего отца.

Моя бабушка по материнской линии Екатерина Ивановна (девичья фамилия Смертина) происходила из Хакасии. (Дед рассказывал, что он ее выкрал из соседнего хакасского селения.) Оба родителя мамы были неграмотны (правда, бабушка Катя умела удивительно сноровисто, и чуть ли не на ощупь, считать деньги дедовской зарплаты). А маму мою, не знавшую грамоты, но откуда-то помнящую несметное количество метких народных пословиц и поговорок, учил грамоте я, став учеником первого класса, хотя бегло и уверенно читал давно, лет с четырех-пяти. По моему настоянию она стала посещать кружок ликбеза, и я ее «курировал». Мама довольно успешно освоила азы грамоты, стала не бойко, но уверенно читать и, правда с трудом, – писать. На большее у нее не было ни времени, ни терпения. Однако этой грамотности ей хватило, чтобы с началом войны, когда мужское население «подчистила» мобилизация, освоить должность оператора автоматизированного стрелочного блокпоста на станции Кимкан Дальневосточной железной дороги. Там она проработала еще не один год после окончания войны, заслужив правительственные медали «За трудовое отличие», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и высшую профессиональную награду – знак «Почетный железнодорожник».

Семья наша до войны не относилась к разряду богатых. Тогда социальное неравенство не было так заметно и вообще ни о каких выдающихся богачах даже анекдотов не сочиняли. Но даже самый тяжелый, голодный 1933 год мы пережили без трагических потерь. В основном нас кормила тайга. Отец, тоже заядлый охотник, снабжал нас дичью. Помню, в особенно трудную зиму почти каждый выходной он

уходил в тайгу с ружьем и приносил то одного-двух зайцев, то нескольких белок или глухарей, и мясом мы были, в общем, обеспечены. Да еще выделывал отец и сдавал беличьи и заячьи шкурки, приобретая на вырученные деньги муку и сахар. Кроме того, с осени он брал небольшой отпуск и уходил в ту же тайгу на заготовки кедрового ореха. Приносил его домой мешками. Приспособился собственноручно изготовленным прессом давить из его зерен отличное «постное» масло (которое ныне считается особо целебным). Остававшийся жмых мама использовала для изготовления «кедрового молока» и добавок в хлеб, который пекла лепешками из очень небольшого количества муки, перемешанной с имевшимся тогда в открытой продаже ячменным и желудевым «кофе» да овсяным толокном (булочки из этого теста не получались). И эти совершенно черные, особого вкуса лепешки как-то заменяли нам настоящий хлеб и хоть на время насыщали наши детские желудки.

Была у нас семейная традиция ежегодно делать различные заготовки плодов дикорастущих растений, грибов. Эти заготовки спасали нас не только от голода, но и от свирепствовавшей тогда на Дальнем Востоке цинги. Мы с детства были приучены к сбору ягод и грибов и хорошо их знали. Собирали и в большом количестве сушили грибы – маслята, моховики и главный гриб – белый! На соленье брали большие белые грузди, рыжики и лисички, но особый грибной деликатес был у нас – беляночки и волнушечки. Мама всегда напутствовала нас, чтобы грибочки эти мы брали маленькими, не больше пуговицы от пальто или медного пятака.

Фруктами Дальний Восток небогат, но зато ягод!!! В ближайшей тайге мы находили земляничные поляны, кусты жимолости, целые заросли малины, которые кроме нас иногда посещал и медведь, о чем нас не уставали предупреждать взрослые. Особый восторг вызывали у нас, ребята, терпкая, продолговато-крупная, зелено-спелая ягода (по-местному – «кишмиш») да дикий виноград с его исчерна-синими, будто покрытыми легким инеем, продолговатыми ягодами. Собирали, конечно, еще рябину и черемуху – все шло «в дело». А подальше, с так называемых «ягодных марей», приносили полные туеса голубики, брусники, морошки. Так же далеко ходили по весне на сбор черемши, этого дикорастущего широколистного растения с острым запахом и вкусом чеснока, настоящего кладезя витамина С, главного «доктора» от цинги.

Отец и дед занимались и рыбной ловлей, но не на удочку, а при помощи так называемых «морд», или сплетенных для ловли рыбы вершей из ивовых прутьев. И почти каждый вечер ходил отец после работы на

недалеко протекавшую бурную, студеную речку Кимкан забирать улов. Иногда приносил «мелочь», а в период нерестового хода лососевых – и красную рыбу: горбушу, кету или кижуча, некоторые экземпляры которых достигали 6–8 килограммов. В этом случае появлялась у нас и красная икра, хотя тогда, до войны, она не была особой редкостью и в магазинах. И все это и варилось, и жарилось, и засаливалось, и сушилось. А в общем – все шло к столу... Можно подумать: «Ну и царский стол!» Да, это таежное, дальневосточное разнообразие помогало не только выживать в трудные годы, но и просто укреплять здоровье наших растущих организмов, да и выносливость взрослых тоже.

Семья наша не была набожной. Отец, по-моему, всегда был откровенно неверующим, хотя поддерживал, скорее, не религиозные, а обрядовые праздники. Мама тоже к этим праздникам относилась с почтением, но тем не менее у нас никогда по-настоящему не соблюдали ни малых, ни «великих» постов. Зато на масленицу пекли огромное количество блинов, на пасху – красили яйца, хотя в то время это занятие, по известной моде на безбожие, широко не афишировалось. Тогда, в 30-е годы, почти в каждом более или менее значительном населенном пункте открыли магазины со странным названием «Торгсин», которые скупали у населения золотые, серебряные изделия и всякого рода украшения из драгоценных камней. Там происходил своего рода обмен их на белую муку-крупчатку, сахар и прочий дефицит. Мама в первую очередь снесла туда золотые нательные кресты и только после этого – другие, невесть какие богатые украшения, оставив себе все-таки любимые золотые малюсенькие серьги. А в годы моей активной «атеистической» деятельности в так называемом СВБ (*Союз воинствующих безбожников*) мы, ребяташки, с особенным усердием и упоением ставили для взрослых массу «безбожных» спектаклей, которые с видимым удовольствием посещали взрослые и их одобрителные аплодисменты и угощения нас, конечно, поощряли. Да в каких только «союзах» и обществах мы тогда не состояли! Даже в МОПРе (Международная Организация Помощи Революционерам), Осоавиахиме и т. п.

В нашей семье всего родилось семь детей, но трое умерли еще в младенчестве (что по тому времени не являлось редкостью), и до начала войны нас дожило четверо: два моих старших брата, моя младшая сестра и я.

Пытался я несколько раз составить генеалогическое древо нашего рода, но отец мой никогда не посвящал нас в свою родословную, и дальше своего деда Данилы и бабушки Кати по материнской линии я так ничего и



не узнал. Да в те годы как-то и не принято было искать свои корни. А вот по боковым ветвям мне хорошо были знакомы другие дети и внуки Карелиных, жившие недалеко от нас. Это брат мамы, Петр Данилович, тоже дорожный мастер, коммунист, угодивший в 1937 году совершенно неожиданно под репрессивный каток и бесследно исчезнувший где-то на бескрайних просторах Сибири или Крайнего Севера. Остались у него большая жена и пятеро детей, которым удалось выучиться, пережить войну; большинство из них живы и теперь.

Должен честно сказать, что тогдашние аресты и поиски «врагов народа» заражали многих, в том числе и нас, младших школьников. Помню, например, как мы, ученики 2—3-го класса, по подсказке некоторых учителей искали на обложках своих школьных тетрадей в васнецовских стилизованных рисунках по былинной тематике якобы замаскированные надписи, например «Долой ВКП(б)». И если не находили, то значит, «плохо искали». А вот внезапные аресты наших близких, за кем никто из окружения никаких преступлений не видел, мы воспринимали как досадные ошибки при таком масштабном деле разоблачения вредителей и вообще всяческих врагов народа (тогда широко пропагандировалась известная поговорка «лес рубят – щепки летят»).

Но что удивительно: наряду с этой широкой кампанией поиска «врагов» происходило мощное воздействие на умы (и не только молодежи), воспитывавшее любовь к нашему строю и идеалам коммунизма. Достаточно вспомнить только фильмы и патриотические песни того времени. И это необычайно обостряло и чувство любви к Родине, и сознание высокого патриотизма. С этими чувствами мы вступили в священную войну против гитлеровской, фашистской Германии. С ними и победили, пройдя почти через 4 года тяжелейших испытаний.

Репрессии тех лет, кроме упомянутого мною моего дяди, не затронули, к счастью, других его родственников, хотя после войны много писали и говорили о том, что и жен, и даже детей «врагов народа» и в лагеря ссылали, и в тюрьмах гноили. Может быть, только у нас, на Дальнем Востоке, по-другому было?

Так, мама младшая сестра Клавдия Даниловна (1915 года рождения), несмотря на репрессированного брата, работала телеграфисткой на узловой железнодорожной станции, по тому времени – на весьма ответственной должности. Замуж она вышла за инженера Баранова Василия Алексеевича, с первых дней войны ушедшего на фронт, а после войны ставшего офицером КГБ. Работал он в этой ипостаси все послевоенные годы в Риге и умер в 1970 году. Их сын, мой двоюродный

брат Станислав, 1938 года рождения, добровольно поступил в свое время в погранвойска, окончил Военное училище погранвойск и был перспективным офицером. А в начале 90-х годов XX века вся Прибалтика в результате развала Советского Союза вдруг обрела, как там говорили, *истинную свободу*. Тогда из-за преследований и угрозы репрессий уже со стороны постсоветских латышских властей, обезумевших, наверное, от «истинной свободы», включили его в черный список «красных ведьм». И Станислав был вынужден тайно бежать из Латвии в 1991 году, оставив там «неграми» (негражданами) своих детей и внуков. К великому сожалению, совсем недавно он нелепо погиб под колесами мчащегося самосвала.

Как я уже говорил, у меня было два брата. На старшего из них, Ивана (1918 года рождения), я, когда заметно вытянулся ростом, был так похож внешне, что нас часто путали даже знакомые. Так вот, Иван отличался разносторонними способностями: прекрасно играл на самых разных музыкальных инструментах, удивлял всех талантом рисовальщика, считался одаренным в математике (его учитель иногда за оригинальные решения задач выставлял ему вместо пятерки шестерку). Кстати, сразу же по окончании 10 классов он был приглашен на должность учителя математики в нашу поселковую школу-семилетку. В 1937 году он был призван на военную службу в береговую охрану Тихоокеанского флота, где успешно осваивал и специальность радиста, и исполнял роль учителя в группах ликвидации малограмотности и неграмотности среди красноармейцев и краснофлотцев одновременно. Где-то в начале 1942 года он был направлен в действующую армию и, находясь в составе 5-й Ударной армии Южного фронта, участвуя уже в освобождении Запорожья, ***«гвардии сержант Пыльцын Иван Васильевич... в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 18 сентября 1943 года»*** – так было написано в «похоронке».

Второй брат, Виктор, старше меня на три года, особыми талантами не выделялся, разве только унаследовал от отца (да и похож был на него) манеру разговаривать сам с собой вслух, особенно во сне, да отличался особой аккуратностью и педантизмом. Пожалуй, аккуратность, присущая ему, тоже была своего рода талантом. После окончания средней школы он год поработал на железной дороге помощником дежурного по станции, хотя никаких курсов для этого не проходил. Просто мы, дети железнодорожного мастера, были «хорошо подкованы» в профессиональных познаниях. Я, например, учась в 4—5-м классе, назубок знал все правила, записанные в инструкциях по «путевому хозяйству», и даже на экзаменах, которые принимал отец у своих рабочих и

путевых обходчиков, пытался подсказывать тем, кто затруднялся с ответом. А Виктора в 1939 году призвали в воздушно-десантные войска на Дальнем Востоке. Незадолго до начала войны бригаду, в которой он служил, перебросили на Украину, где ему довелось и встретить первые удары фашистской военной машины, и испытать горечь отступления. При обороне Северного Кавказа он был ранен, лечился в госпиталях и погиб (вернее – пропал без вести) в декабре 1942 года где-то под Сталинградом.

Сестра моя Антонина Васильевна (1927 года рождения) после 1945 года избиралась в наш поселковый Совет депутатов трудящихся. А после переезда на жительство в Ленинград работала с секретным деломпроизводством в одном из райвоенкоматов города. Доверяли ей, несмотря на репрессированного отца.

До 7-го класса я учился в нашей поселковой школе (там я вступил в комсомол), а с 8-го класса – в железнодорожной средней школе города Облучье, расположенного километрах в 40 по железной дороге от станции Кимкан, нашего постоянного места жительства.

Как я уже говорил, в 1938 году мой отец был осужден на 3 года за халатность, а старший брат служил в армии, и на небольшую зарплату другого брата, Виктора, маме было невозможно платить за мое обучение и проживание в интернате. Тогда я по собственной инициативе написал наркому путей сообщения Л.М. Кагановичу письмо, в котором рассказал о трудностях нашей семьи в обеспечении моего желания дальнейшей учебы, в том числе и то, что отец – железнодорожник и осужден за халатность. Вскоре я, школьник, получил **правительственное** письмо, в котором распоряжением наркома мне обеспечивались за счет железной дороги все виды платежей за обучение до получения среднего образования и проживание в интернате при школе, а также бесплатный проезд по железной дороге к месту учебы и обратно. Я хорошо запомнил характерную подпись на официальном бланке письма: «Л. Каганович». Особо запомнилась большая, несоразмерно высокая заглавная буква «Л» (Лазарь). Так что учеба в Облученской железнодорожной средней школе на все три года мне была обеспечена.

Позже я узнал, что муж моей тети Клавдии Даниловны в детстве совершил более смелый поступок. Когда его после 6-го класса не допустили к дальнейшей учебе (по крайней бедности), он, 14-летний паренек из глухой деревни под Ярославлем, сам поехал в Москву, добился там приема у Надежды Константиновны Крупской, которая тогда была заместителем наркома просвещения РСФСР. В результате – распоряжение Наркомпроса: «Принять Баранова Василия в школу-семилетку». А дальше

– техникум и т. д.!

Так случилось, что и меня с сестрой, и моих двоюродных сестру и четырех братьев – детей репрессированного отца нашего и дяди моего, Петра Карелина, и вырастили, и воспитали, и поставили на ноги наши матери, оставшиеся без мужей. И слава им, обыкновенным русским женщинам, вечная добрая наша память.

В отличие от нашей поселковой школы здесь мы ежедневно после уроков занимались в разных оборонных кружках, и это фактически была хорошо организованная военная подготовка. Штатных военруков у нас не было, а в определенное время в школу или в интернат приходили к нам настоящие сержанты из воинских частей, располагавшихся в городе, и тренировали нас по всем оборонным, как тогда говорили, предметам. Некоторые мальчишки, кроме того, ходили на занятия в аэроклубы, где учились и самолетом управлять, и с парашютом прыгать, что давало им преимущество – уже после 9-го класса поступать в летные училища. Таким образом, еще до окончания средней школы в летном училище оказался мой лучший друг по 9-му классу Коля Федорцов. Уже после войны я пытался разыскать его и других моих школьных товарищей по нашему выпускному 10-му «А» классу, но безуспешно. Никого из ребят так и не нашел, наверное, всех подобрала под себя война. Нашлись только Броня Итенберг да Лида Пилипенко, с которой весь 10-й класс просидел за одной партией. С ними у нас не гложет переписка и по сей день. Ведь это звенья единственной цепочки, связывающей нас с тем далеким прошлым, с нашим, не таким уж плохим детством.

Военная организация школы состояла из взводов (классов) и рот (всех одноуровневых классов). Так, например, три десятых класса составляли роту. В масштабе всех 8—10-х классов школы это был «юнармейский батальон». Старосты классов были командирами взводов, а наиболее старательный из них – назначался на должность командира роты. Самый старший по возрасту из учеников 10-х классов был комбатом, а когда меня избрали еще в 9-м классе комсоргом школы, то и должность определили – «батальонный комиссар». Естественно, комсорги классов были «политруками рот». И как серьезно относились мы к этим своим «юнармейским» обязанностям! Даже по «юнармейскому чину» нашивали на рубашки или пиджаки петлички со знаками различия, соответствующими армейским. Вырезали из жести квадратики («кубари») или прямоугольники («шпалы») и весьма этим гордились. И величали нас соответственно. Меня, например: «товарищ юный батальонный комиссар». Вот так прививались и уважение к армии, и даже кое-какие командные

навыки.

10-й класс мы закончили в 1941 году, за два дня до 22 июня, ставшей роковой для всей страны даты, и сразу после выпускного вечера на следующий день поехали в районный центр (тогда город Облучье входил в Бирский район с центром на станции Бира), чтобы определиться в военные училища. Тогда было повальное увлечение юношей военными училищами (летными, танковыми, артиллерийскими и т. д.), а я выбрал для себя (с учетом семейной традиции и из чувства благодарности за бесплатное обучение) Новосибирский военный институт инженеров железнодорожного транспорта. Но все наши планы и мечты враз сломала заставшая нас в райцентре весть о начале войны. И сразу, как по команде, к райвоенкомату стеклась огромная очередь людей, стремящихся скорее влиться в ряды вооруженных защитников Родины.

Двое суток нас, выпускников школ, держали в неведении относительно наших заявлений (я тут же «отменил» свое прежнее решение о Новосибирском институте и написал заявление в танковое училище). Потом нам сообщили, что все военные училища уже полностью укомплектованы, и мы призываемся как красноармейцы. На сбор нам дали два дня. Быстро разъехались мы по домам, собрали вещи. Недолгие прощания были с родными, и вскоре эшелоны развезли нас по разным районам Дальнего Востока.

Я с несколькими своими школьными товарищами оказался в эшелоне, который вез нас на запад, и ликовали мы оттого, что едем туда, где вскоре будем беспощадно бить фашистов. Но радость наша была недолгой. Довез он нас через двое суток только до города Белогорска. Это всего километров за триста от места призыва, где мы все влились во вновь формируемый 5-й армейский запасной стрелковый полк 2-й Краснознаменной армии Дальневосточного военного округа, ставшего уже именоваться фронтом, хотя и не действующим.

Этот спешно развертывавшийся полк еще не имел достаточного количества командного состава, а эшелон за эшелоном привозили сюда, казалось, несметное количество призванных и мобилизованных.

Ротой, в которую я попал, командовал младший политрук Тарасов Николай Васильевич. Я хорошо запомнил этого, первого в моей армейской жизни командира, высокого, стройного, уже успевшего устать от бессонных ночей, но не потерять при этом какого-то мудрого спокойствия. Всего-навсего с двумя «кубарями» в петлицах (а я еще в школе целых «две шпалы» носил!), он тем не менее успевал справляться с ротой более чем из пятисот человек, в основном необученных разновозрастных людей,

большинство из которых были или малограмотными, или неграмотными вообще (такой контингент поступал тогда, особенно из таежных поселков).

Наш первый ротный командир сразу выделил тех, кто окончил средние школы, и буквально с первого взгляда определил, кто может временно исполнять обязанности командиров взводов, отделений (мне была определена должность командира взвода). И вся эта вчера еще неуправляемая масса людей стала, хотя и медленно, организовываться в воинские коллективы. На второй день повел он нас в баню (палатки с душевыми установками). Там нас постригли наголо, мы помылись и обмундировались, став на первый взгляд настолько одинаковыми, что даже своих друзей не узнавали. Не говоря уже о том, что на первых порах не могли определиться, кто в чьем взводе. Однако постепенно рота обретала воинские очертания.

Разместили нас в палаточном лагере, который оказался более чем в 3 километрах от общеполковой столовой, и вот всю эту дорогу наш младший политрук Тарасов успевал и ободрять, и обучать строевому или походному шагу, а мы, «командиры взводов», старались помогать ему в меру своих сил и умения. Каким-то чудом сумел наш ротный организовать и разнообразные занятия по подготовке к принятию воинской присяги, да еще успевал и личные беседы проводить со многими из нас. На всю мою жизнь Николай Васильевич Тарасов остался образцом настоящего командира и душевного политрука, и многие свои поступки я всю жизнь сверяю с ним.

На сон нам едва оставалось по 5–6 часов в сутки, а политруку нашему и того меньше. Но через несколько дней в роту прибыли мобилизованные из запаса лейтенант и младший лейтенант, которым ротный поручил по «полуроте». Вскоре нас повели на стрельбище. Я этому событию очень обрадовался, так как еще в школе успешно сдал нормы на значок «Ворошиловский стрелок», да еще сразу второй ступени. Не знаю, то ли это мой сержант-учитель был такой талантливый, то ли сказалась наследственность (мой дед, сибиряк-охотник, бил белку, что называется, «в глаз»), но стрелком я оказался действительно метким. И здесь, на войсковом стрельбище, мои результаты оказались лучшими. А всех, кто хоть как-то выполнил упражнение по стрельбе из винтовки, привели к присяге. Мало было торжественности тогда в этом ритуале, но запомнилось все до деталей. Тогда мы присягнули на верность нашей Родине – СССР. То был единственный такой день в моей жизни – больше никогда я не присягал ни другому правительству, ни другой родине. Бог миловал. И все 40 лет армейской службы я прошел под этой единственной в моей жизни

присягой.

Со временем мы втянулись в это состояние непрерывных, напряженных учебных будней, и примерно через месяц наша рота стала более или менее слаженным военным организмом, и, как нам казалось, наш командир-политрук гордился уже тем, как эта некогда аморфная масса людей четко «рубала» строевой шаг, проходя по улицам города. Наши «полуротные» лейтенанты грубовато, но умело поднимали наше настроение и подбадривали такими, например, шутками: «Выше голову, задрать носы и подбородки! А как на вас смотрят девушки! И чем выше у вас носы, тем интереснее мысли у них в головах!» И действовали такие шутки беспроблемно!

Пришло время, и нашу роту распределили по полкам и дивизиям «Дальневосточной, опоры прочной», как пели мы в своей первой строевой песне. А как жаль было расставаться с политруком Тарасовым, успевшим стать для нас поистине отцом-командиром. Спасибо Вам, Николай Васильевич, за науку!

Далее судьба забросила меня в разведвзвод 198-го стрелкового полка 12-й стрелковой дивизии 2-й Краснознаменной армии Дальневосточного фронта, где-то под Благовещенск. А здесь, уже не в запасном полку, и нагрузки физические были настоящими, и взаимоотношения устанавливались серьезнее, прочнее. Самым главным для меня командиром оказался помкомвзвода сержант Замятин. От него я схлопотал и свое первое дисциплинарное взыскание – «личный выговор». А получилось это так. Поскольку я был рослым, то на физзарядке, которая в основном заключалась в передвижении бегом, меня поставили впереди всех, даже старослужащих, то есть «направляющим». И вот когда сержант подавал команду «шире шаг», я своими длинными ногами этот шаг действительно делал шире и ускорял бег, а «старики» все одергивали меня, мол, еще успеешь, набегашься, и я, конечно, снижал темп. После нескольких таких случаев сержант остановил взвод, вывел меня из строя и за невыполнение команд объявил тот самый выговор.

Домой об этом взыскании не стал писать, стыдно было. Долго я старался заслужить снятие выговора. Во время одного из марш-бросков километров на тридцать по дальневосточным сопкам и падам, да еще с полной выкладкой, не меньше пуда (16 килограммов), я помог отстававшему красноармейцу, взял себе его винтовку и буквально тащил за руку. Вот за проявленную взаимовыручку на марше сержант и похвалил меня, сняв «прилюдно» свой выговор. Как я был рад этому!

Своего командира взвода разведки полка, лейтенанта Золотова, видеть

приходилось редко. Он целыми днями был на своих командирских занятиях. Тогда, наверное, всех офицеров серьезно «доучивали», чтобы они быстрее вращались в обстановку войны. Командира полка совсем не помню, а вот командира дивизии, полковника Чанчибадзе, невысокого плотного грузина, память хорошо сохранила. К концу войны он уже был прославленным генералом. Многому научили нас тогда, на Дальнем Востоке, его изобретательность и требовательность.

И вообще, «наука побеждать» давалась обильным потом, когда гимнастерки наши настолько просаливались, что, сняв их, можно было поставить (а не положить), – и стояли, не падали!

В детстве у меня случилось какое-то заболевание коленного сустава, и меня долго тогда лечили «от ревматизма» и больничными, и бабушкиными мазями. Здесь же под такими невероятными нагрузками он, этот «ревматизм», будто улетучился. И до сих пор не дает о себе знать. Других болячек уже полно, а эта где-то до сих пор прячется. Многие недуги излечивала армия. И не только физические...

В разведвзводе полка я прослужил до 1 января 1942 г. В ночь под Новый год меня срочно сменили с поста у полкового знамени (был в карауле) и этой же ночью, не дав мне возможности почистить винтовку, отправили по комсомольской путевке во 2-е Владивостокское военно-пехотное училище. Я долго еще сокрушался по поводу невычищенной винтовки (все-таки сумели за столь короткое время приучить к армейскому порядку и привить любовь к оружию). Обрадовался было, что увижу Владивосток – город моей детской мечты, который я еще не видел, но о котором так много слышал. Но оказалось, что это училище находится в Комсомольске-на-Амуре.

Проучился я в нем всего полгода. Но до сих пор с особой теплотой вспоминаю те студеные зимние месяцы учебы и с чувством благодарности – всех моих преподавателей, командиров и воспитателей. И старшину роты Хамсутдинова, и командира нашего курсантского взвода, только что выпущенного из Хабаровского училища, совсем молодого лейтенанта Лиличкина, и командира роты, исключительно подтянутого и удивительно стойкого к почти арктическим амурским морозам старшего лейтенанта Литвинова. Он даже на полевых занятиях в самые ветреные зимние дни и ночи не опускал клапаны шлема-буденовки. С благоговением вспоминаю и друзей-курсантов, Колю Пахтусова, Андрея Лобкиса, нашего ротного запевалу, способного звонко петь даже в сильные морозы, вечно невысыпавшегося очкарика Сергея Ветчинкина. Эти и многие другие мои сослуживцы-курсанты были теми, кто подставлял свои надежные плечи в



трудные для меня минуты, но с которыми, увы, так больше и не суждено было встретиться.

Не могу удержаться, чтобы не вспомнить некоторые подробности быта в училище и запомнившихся мне преподавателей.

Располагалось училище на одной из городских окраин, именуемой Мылки, недалеко от Амура. Распорядок дня был весьма напряженным. Зарядка начиналась за два часа до завтрака физической подготовкой или штыковым боем (был тогда такой предмет военного обучения). И это, как правило, ежедневно, за исключением случаев, когда нас ночью поднимали по тревоге и выводили в поле марш-бросками. Там вместо завтрака выдавали сухари и консервы (как правило, рыбные или «кашу гречневую с мясом» – одну банку на двоих).

В столовой же завтрак обычно состоял из гречневой, овсяной или перловой каши, кусочка масла, хлеба и сладкого чая. Физически мы выматывались сильно, и нам почему-то всегда не хватало (в принципе, достаточно калорийного) курсантского довольствия. Ведь до обеда, как правило, занятия были на воздухе, в поле, где температура в январе-феврале часто опускалась ниже 30 градусов мороза, а после обеда, когда уже темнело, было 2–3 часа классных занятий (топография, теория стрелкового дела, изучение матчасти оружия, минно-саперная подготовка, средства связи и т. д.), а затем еще и самоподготовка.

Перед ужином каждый вечер по 1–2 часа мы занимались или строевой, или лыжной подготовкой. К счастью, лыжный маршрут проходил недалеко от какого-то магазинчика. В нем, правда, не было ничего, кроме баночек с крабовыми консервами, заполнившими все полочки и витрины, и мы довольно часто покупали этих крабов. Это был наш «доппаек», который мы либо съедали сразу же по возвращении в казарму, либо сберегали до завтрака, чтобы сдобрить этим деликатесом, стоившим тогда 50 копеек, свою утреннюю порцию перловой или овсяной каши. Хорошее, скажу вам, сочетание. Здорово вкусно получалось! Обеды были достаточно калорийными. Кроме густого крупяного или макаронного супа либо щей с мясом, к которым регулярно подавалась, как приправа, какая-то витаминная добавка (вроде мелкоразмолотого шиповника, как средства против цинги), давали приличную порцию каши или макарон с мясной тушенкой или с соленой кетой, а чаще – с горбушей... Что и говорить, Дальневосточный край – рыбный край!

Однако, несмотря на довольно калорийный рацион, крепкие морозы и огромная физическая нагрузка делали свое дело, выматывая, выжимая, вымораживая из нас эти калории. Досыта удавалось наесться только тем,

кому выпадало счастье идти в наряд по кухне. Может, именно поэтому тех, кто получал наказание в виде наряда вне очереди, на кухню не назначали (для этого были в основном солдатские нужники, мытье полов в казармах после отбоя да расчистка строевого плаца от снежных заносов). Ощущение постоянного недоедания вызывало (обычно на коротких перекурах) сладостные воспоминания о том, какими вкусными блюдами баловали нас в довоенное время наши мамы и бабушки. Мой самый близкий по училищу друг Коля Пахтусов (он из Николаевска-на-Амуре) любил смачно рассказывать, как его мама по праздникам готовила замечательного фаршированного гуся. Ему даже попадало от товарищей, которые умоляли его фразой «Не трави душу!!!».

Большим дефицитом у нас были папиросы и даже обыкновенная махорка. По курсантской норме довольствия табачные изделия нам не полагались, но почти все курсанты были курящими.

Еще немного подробностей. Особенно запомнился нам, например, преподаватель топографии, младший лейтенант Эльман, призванный из запаса эстонец. Это он научил нас ориентироваться по звездам, определять фазы Луны и с точностью до дня вычислять, когда наступит новолуние или полнолуние. Вообще-то этой премудрости меня научил еще в детстве мой дед Данила, но с «теоретическим обоснованием» это сделал наш училищный топограф. Настолько он был интересным, знающим человеком, умеющим вкладывать в наши головы нужные знания, что все мы поголовно с нетерпением ждали его занятий.

Практическое хождение по азимуту он организовывал так, что при правильном и с меньшими затратами времени прохождении маршрута нас ждал какой-нибудь приз вроде пачки махорки или флакона одеколona. А это, надо сказать, по тому времени были весьма ценные призы. Ну, а на крайний уж случай, когда и такого приза не оказывалось, устраивал просто забавный сюрприз, вроде того, что нам приходилось разыскивать его самого, забравшегося на высоченное дерево и подающего оттуда звуки, удивительно похожие на рев какого-то животного или голос птицы.

Запомнился навсегда и преподаватель артиллерии и стрелкового вооружения майор Бабкин. Острослов и шутник, он никому не давал шансов вздремнуть на классных занятиях. Если кого-то после занятий на крепком морозе, в тепле клонило ко сну, он так умел встряхнуть взвод или роту, что общий хохот надолго прогонял дремоту у виновного. Устраивал он и занятия-соревнования по разборке и сборке вслепую, с завязанными глазами, еще мало знакомой тогда (по сравнению с классической трехлинейкой) самозарядной винтовки Токарева «СВТ», ручного пулемета

Дегтярева «РПД», автоматической винтовки Симонова «АВС» и другого стрелкового оружия. И тоже с какими-нибудь призами.

В училище я пробыл с первых дней 1942 года до середины июля, когда окончил полугодовой курс обучения «по первому разряду» (то есть на «отлично») и получил, как и другие семнадцать «перворазрядников», свое первое офицерское звание «лейтенант». Остальных выпустили младшими лейтенантами, а тех, кто не выдержал выпускных экзаменов, – даже сержантами.

Выдали нам комсоставские (потом их стали называть офицерскими) удостоверения и снаряжение (ремень с портупеей), полевую сумку с планшеткой (для топографической карты) и кобуру для нагана, который полагалось получить уже в части назначения. Обмундировали нас в новые суконные гимнастерки, на которые были нацеплены новенькие петлицы с двумя красными эмалевыми квадратиками («кубарями») и пришиты на рукава шевроны. Выдали брюки с кантом, фуражки с малиновым околышем. И мы с непривычной гордостью ходили во всем этом, ужасно поскрипывая новым кожаным снаряжением и хромовыми сапогами.

Однако радость наша была омрачена тем, что почти всех младших лейтенантов и сержантов отправили на фронт, а нас, лейтенантов, – в войска на Дальнем Востоке. Небольшая группа выпускников, куда вошел и я, получила назначение командирами стрелковых взводов в 29-ю отдельную стрелковую бригаду, командиром которой был подполковник Суин.

Буквально с первых недель после того, как я принял взвод в одном из батальонов бригады, располагавшемся вблизи села Комиссарово у озера Ханка на границе с Маньчжурией, где тогда хозяйничали японцы, все мы стали подавать рапорта об отправке в действующую армию на западные фронты. Вскоре нас собрал комбриг и спокойно, но убедительно сумел нам доказать, что наш «недействующий» Дальневосточный фронт может совершенно неожиданно, в любое время превратиться в «очень даже действующий»!

Наступила зима. И хотя это была южная часть Советского Дальнего Востока, морозы были внушительными. А в сочетании с почти постоянными сильными ветрами в тех краях становились особенно неприятными. Так что на лыжные переходы, которым уделялось немало времени, нам выдавали надеваемые под шапки-ушанки трикотажные шерстяные подшлемники с отверстиями для глаз и рта, чтобы уберечь от обморожения щеки и носы. Да еще такие же специальные мешочки для других, не менее нежных частей тела.

И все-таки к концу 1942 года, когда, видимо, в связи с тем, что немецкие войска были остановлены под Сталинградом и угроза японского нападения на дальневосточных границах Советского Союза стала менее вероятной, по одной роте с каждого батальона нашей бригады в полном составе были переформированы в маршевые (для фронта). Не знаю, был ли дан ход моему рапорту или это просто было не более чем совпадение, но такой маршевой ротой нашего батальона оказалась именно рота, в которой одним из взводных командиров был я. Погрузили нас в эшелоны и в первые дни января 1943 года отправили на запад.

Как потом стало известно, направлялись мы для формирования Югославской армии по примеру уже создававшихся дивизий Войска Польского и Чехословацкой бригады Людвиг Свободы. До Байкала, а точнее – до станции Зима, наш эшелон не шел, а летел так, что на многих узловых станциях паровозы меняли настолько стремительно, что мы не успевали не только получить горячую пищу из следовавшего в нашем эшелоне вагона с полевыми кухнями, но даже прихватить ведро кипятка.

Во время смены паровоза на станции Бира, где мне часто приходилось бывать и где в свое время завершали обучение в средней школе мои старшие братья, хорошо знакомый мне дежурный по станции передал по железнодорожной связи на мой родной полустанок, где жили родные, весть о том, что я вскоре проеду эшелоном. Все мои родные вышли к железнодорожным путям, но поезд промчался с такой скоростью, что я едва успел разглядеть своих, а дед Данила, пытавшийся бросить мне подарок – кисет с табаком, не попал в открытую дверь теплушки. Как потом мне рассказывала сестренка, дед, крепкий и не слезливый сибиряк, по этой причине расплакался.

На станции Зима наш эшелон вдруг остановили, и мы там простояли почти неделю. Что-то, видно, не заладилось с формированием югославских частей, и дальше нас везли так неспешно, что мы почти месяц добирались до столицы Башкирии Уфы. Миновав ее, на станции Алкино ясной, морозной, лунной ночью весь наш эшелон выгрузили, и мы влились в состав 59-го запасного стрелкового полка 12-й запасной стрелковой бригады Южно-Уральского военного округа.

Помню хорошо, что командиром полка был в то время фронтовик, майор Жидович с весьма приметным шрамом во всю левую щеку. Одним из его заместителей был подполковник, не побывавший еще на фронте, наверное, из-за своего явно немолодого возраста, а другим – красавец, внушительного роста и богатырского телосложения майор Родин. Командиром нашего батальона был тоже фронтовик, всегда какой-то

нервный, взвинченный, всего-навсего младший лейтенант (вот фамилию его не помню), а командиром роты – удивительно спокойный, невозмутимый старший лейтенант Нургалиев. И я часто наблюдал, как наш ротный терпеливо и стойко переносил грубости и «разносы» своего комбата, на две ступени младшего по званию. Вообще там я заметил разницу в отношениях между фронтовиками и теми, кто еще «не нюхал пороху». Может, тогда еще острее стало проявляться желание скорее попасть на фронт.

Запомнилась и старший врач полка, тоже фронтовичка, капитан медслужбы с необычной фамилией Родина. Это была очень яркая, красивая брюнетка, на удивительно стройной фигуре которой так ладно сидела офицерская форма с еще непривычными погонами, недавно только введенная в нашей армии. Особенно восхищали нас, молодых лейтенантов, ее классической формы ноги в аккуратненьких хромовых сапожках. Это всеобщее восхищение привело к тому, что почти вся офицерская молодежь стремилась научить свои подразделения петь в строю «Песню о Родине», в которой были слова **«Как невесту, Родину мы любим»**... Да еще то и дело находили причины посетить санчасть, чтобы испытать судьбу. И я сам как-то раз осмелился осуществить посещение санчасти, правда, не с амурной, а с другой целью: во-первых, убедиться в правоте восторженных баек о ней, а во-вторых, просто поближе рассмотреть этого медицинского капитана, о красоте которой в полку ходили легенды. Но она сразу распознавала эти мужские хитрости и умела так «отшивать» мнимых больных, что охота повторить подобный маневр пропадала надолго. Да все, наверное, догадывались, что майор Родин – не иначе, как ее муж, так что и это обстоятельство наверняка было хорошим сдерживающим началом от попыток амурных приключений особо жаждущих поволочиться за красивой женщиной. Мой визит был обставлен убедительной причиной, мне она дала хороший врачебный совет, но я убедился в том, что те легенды были чистой правдой.

Но самое магическое во всем этом то, что теперь, когда мне стали доступны некоторые архивные документы по истории нашего 8-го штрафбата, я узнал, что с первых дней существования его (еще под номером ОДИН), **начсанслужбы того штрафбата была военврач 3-го ранга Родина Юлия Александровна!** Есть в документах несколько донесений, подписанных военврачом Родиной, например о полном обеспечении батальона теплыми зимними вещами или о недостатках в организации продовольственного снабжения и т. п.

А вот еще один любопытный документ:

*Приказом по 1-му ОШБ Донского Фронта № 102 от 27 ноября 1942 года «Военврачу Зранга Родиной за проявленную смелость и решительность, оказание первой помощи под огнем противника раненому начальнику финдovolьствия, спасение и сохранение при этом ценностей, находившихся при нем, от лица службы объявляю благодарность».*

*Командир батальона Гв. майор БУРКОВ  
Батальонный комиссар ЛАРЕНОК*

Так что наверняка наш доктор-капитан Родина из Алкино и военврач 3-го ранга из 1-го, а затем и 8-го штрафбата Донского фронта – **один и тот же человек!** Значит, она из штрафбата № 8 – в запасной полк ЮжУрВО, а я из этого полка – в тот же штрафбат № 8! Ну, разве не мистика? Да она, кажется, на этом не завершилась, о чем станет известно значительно позже.

А в этом запасном полку главным нашим делом была подготовка нового пополнения для действующей армии, в основном из немолодых уже людей (чаще всего из мусульманских республик), обучение этих новобранцев азам военного дела, формирование из них маршевых рот для фронта.

Долго, почти девять месяцев, я, как и многие другие офицеры, своими регулярными рапортами добивался отправки на фронт. И, помню, после каждого такого рапорта командир полка так же регулярно объявлял мне вначале по 5, а затем и по 10 суток домашнего ареста, а арест этот заключался в удержании из лейтенантского месячного оклада 50 % за каждые сутки ареста.

Здесь, в этом полку, кроме того, что я вступил в партию, происходило много других событий. Одним из таких запомнившихся событий было то, что однажды меня вежливо пригласили в Особый отдел полка. Как и все солдатские казармы, штабные помещения, это заведение тоже располагалось в землянке. После небольшого, вроде бы ни к чему не обязывающего предисловия мне прямо предложили сотрудничество с этим одиозным отделом. А сотрудничество это могло заключаться лишь в том, чтобы информировать определенных офицеров отдела о негативных настроениях или высказываниях как солдат моего взвода, так и моих товарищей – офицеров. Ну, как прямо мне такую роль «стукача» предложили, так же прямо и категорично я отказался, еще, наверное, не понимая последствий этого отказа.

Судьбе было угодно и познакомить меня в это время с девушкой, которая более чем через год, на фронте стала мне женой. Но об этом речь пойдет попозже.

А тогда, в августе или начале сентября 1943 года, очередному из многих моих рапортов был дан ход, и нас, небольшую группу офицеров, направили вначале в ОПРОС (Отдельный полк резерва офицерского состава) округа, а затем в такой же полк, но уже Белорусского фронта. Находясь в этом 27-м ОПРОСе фронта, мы несли боевую службу по охране важных объектов от возможных диверсий противника, но это все-таки была не передовая, куда мы стремились.

И вот однажды, в начале декабря 1943 года, меня вызвали в штаб полка на очередную беседу. Беседовавший со мной майор был в полушубке и, несмотря на жарко натопленную комнату, затянут ремнями, будто каждую секунду был готов к любым действиям. Лицо его с заметно поврежденной сверху раковиной правого уха было почти до черноты обветренным. Просмотрев мое еще тощее личное дело и задав несколько вопросов о семье, об училище и о здоровье, он вдруг сказал: «Мне все ясно. Пойдешь, лейтенант, к нам в штрафбат!» Кажется, заикаясь от неожиданности, я спросил: «3-3-за что?» И в ответ услышал: «Неправильно задаешь вопрос, лейтенант. Не **за что**, а **зачем**. Будешь командовать штрафниками, **помогать им искупать их вину** перед Родиной. И твои знания, и хорошая сибирско-дальневосточная закалка для этого пригодятся. На сборы тебе полчаса».

Наверное, тогда впервые в моих мыслях появилась ниточка рассуждений, связывающих текущие события с совсем недавним прошлым. Я ничем не могу подтвердить верность тех предположений, но тогда как молния просверлила мозг идея: *а не за репрессированного ли отца это наказание?* Конечно же, сразу и контрдовод появился: **так сын же за отца не отвечает!** Потом, когда я узнал, что из 18 офицеров, отобранных на командные должности в штрафбат, оказался я один, еще не имеющий боевого опыта, «необстрелянный», а остальные имеют не только боевые ранения, но часть даже наградами отмечены, эта мысль снова долго не давала мне успокоиться. Она не позволяла оправдать мое определение в штрафбат только моим «сибирским здоровьем». Эта крамольная мысль еще не раз за время службы в штрафбате, да и уже после войны, посещала меня, но каждый раз находилась и «контрдовод» ей. Но об этом тоже в свое время. Однако одновременно с этими сомнениями и с определенной степенью недоумения возникала и гордость за то, что меня приравняли к боевым офицерам. У меня, правда, может быть, меньше, чем у других, какое-то

представление о штрафбатах уже имелось (хотя бы из приказа наркома обороны № 227), но как далеко оно оказалось от реального! В приложениях № 1 и № 2 я привожу полный текст приказа Сталина № 227 «Ни шагу назад!» и Положения о штрафбатах.

Как оказалось, майором, отбравшим нас для штрафбата, был помощник начальника штаба 8-го отдельного штрафного батальона Лозовой Василий Афанасьевич. С ним мне довелось и начать свою фронтową жизнь в 1943 году, и совершенно неожиданно встретиться через четверть века после войны на оперативно-командных сборах руководящего состава Киевского военного округа. Тогда я был уже в чине полковника и его, тоже полковника, узнал по приметному правому уху.

А тогда, в декабре 1943 года, после тяжелых боев под Жлобином (Белоруссия) этот штрафбат понес большие потери, в том числе и в постоянном офицерском составе (об этих потерях я сообщу в следующей главе). Вот Лозовой и отобрал нас, восемнадцать офицеров, от лейтенанта до капитана, в основном уже бывалых фронтовиков, возвращавшихся из госпиталей на передовую.

Буквально через час мы уже мчались в тревожную ночь на открытом автомобиле с затемненными фарами в сторону передовой, хорошо определяющейся по всполохам от разрывов снарядов, по светящимся следам разноцветных трассирующих пуль, по висящим над горизонтом осветительным ракетам. Где-то там, под огнем противника, держал оборону пока неведомый нам, но вскоре ставший родным на долгое время, до самой Победы, наш 8-й отдельный (офицерский) штрафной батальон (*Полевая почта 07380*).



## Глава 2

*Штрафбат. История его создания. Первые командиры. «Переменники». Первые бои, первые потери, награды. Сталинградский, Донской, Центральный фронты. Искушение вины и восстановление в офицерских правах. Переход к штатному формированию. Курская дуга. Штрафник Басов. Из штрафников в командиры. По Украине, Белоруссии. 1-й Белорусский фронт.*

У меня, правда, может быть меньше, чем у других, какое-то представление о штрафбатах уже имелось (хотя бы из приказа наркома обороны № 227), но как далеко оно оказалось от реального!

Как я уже упоминал во вступлении, появившиеся у меня архивные материалы ЦАМО РФ пролили свет на историю нашего штрафбата. Оказывается, это тот самый штрафбат, который формировался самым первым, еще на Сталинградском фронте в 1942 году, и ему предстоял особо длинный боевой путь, от Волги до Одера, от Сталинграда до Берлина. Вероятно, не следует вдаваться в подробности, почему именно на этом фронте началось формирование штрафбатов. Там, на Волге, тогда решалась судьба нашей Родины – Советского Союза. Имел тогда наш штрафбат номер ПЕРВЫЙ. На любом фронте, где потом формировались штрафбаты, их нумерация начиналась с № 1. Это потом их нумерацию упорядочили уже в масштабах всей Красной Армии. И так сложилась военная судьба нашего штрафбата, что он оказался последним из дошедших до конца войны, до Берлина, до Победы и расформирован он там, под Берлином в августе 1945 года. Сформирован он был в соответствии с *Приказом войскам Сталинградского фронта № 073 от 13.08.1942 года*, всего только через полмесяца после объявления исторического документа, приказа НКО № 227 от 28 июля 1942 года, получившего в армейской среде название **«Приказ Сталина «Ни шагу назад»**.

Первым командиром батальона был назначен *гвардии майор Григорьев Яков Федорович*, а комиссаром – *батальонный комиссар Ларенок Павел Прохорович*, о чем в *приказе по батальону № 1 от 15 августа 1942 года* объявил только что назначенный комбат.

Таким образом, «днем рождения» первого в истории Великой Отечественной войны штрафного батальона, образованного на Сталинградском фронте, надо считать 15 августа 1942 года, хотя

пополнение в батальон, располагавшийся тогда в селе Самофаловка Сталинградской области, стало поступать несколькими днями раньше.

Приказом № 2 в этот же день уже были назначены заместители комбата, начальник штаба (адъютант старший) *капитан Лобань Григорий Иванович*, а также помощник по снабжению, командиры рот и взводов, их заместители, комиссары рот и политруки взводов. Жизнь потом внесла коррективы в эту организацию комсостава. Но об этом в свое время. Уже тогда батальону предписывалось иметь в своем составе 3 стрелковые роты по 3 взвода в каждой, роту противотанковых ружей (ПТР) двухвзводного состава. Для управления и обеспечения боевых действий были сформированы штаб, тыловые службы, хозяйственный и санитарный взводы. А несколько позже, когда стала совершенно ясной необходимость надежной охраны штаба с огромным количеством персональных документов на каждого штрафника, было предусмотрено иметь и специальный комендантский взвод. При этом все эти взводы обеспечения и охраны комплектовались рядовыми и сержантами постоянного состава. Даже в самих ротах предусматривалось иметь не только старшину роты и писаря-каптенармуса из постоянного сержантского состава, но даже еще и отделение (5–6 человек) санитаров-рядовых во главе с санинструктором-сержантом.

Насколько помню, когда я уже прибыл в штрафбат, командиром комендантского взвода был тот самый Филипп Киселев, который затем стал помначштаба, а затем и начальником штаба батальона. К тому времени в ротах перестали почему-то содержать и штатное санитарное отделение, поручая оказание помощи раненым самим штрафникам, выдавая на каждое отделение дополнительное количество ИПП (индивидуальных перевязочных пакетов) и равномерно распределяя по подразделениям медицинских специалистов из числа штрафников. Когда я уже командовал ротой, у меня в роте были из постоянного состава только старшина (почему-то память моя не сохранила его фамилию) да писарь-каптенармус ефрейтор Мамкин.

О том, насколько строго подбирался командный состав в боевые подразделения батальона, говорят следующие документы:

***Приказ по 1-му ОШБ № 8 от 21.08.1942 г.***

*...Находящиеся на должности командиров взводов Манский Владимир Васильевич и Соколов Евгений Леонидович показали себя неинициативными, слабо подготовленными, нетребовательными командирами, что не дает возможности справляться со взводами 1*

*Штрафного батальона. Лейтенантов Манского В.В. и Соколова Е.Л. от должности командиров взводов отстраняю с направлением в распоряжение Отдела кадров. Одновременно прошу Отдел кадров прислать замену.*

*Командир 1 ШБ Гв. майор БУРКОВ  
Батальонный Комиссар ЛАРЕНОК  
Начштаба капитан ЛОБАНЬ*

Или вот выписка из другого приказа по штрафному батальону:

*За попытку уклонения от командировки к передовой линии фронта командира стрелковой роты капитана Юхту Ивана Даниловича от занимаемой должности отстраняю, направляю в Отдел кадров Фронта и ходатайствую перед Военным Советом о снижении его в воинском звании до лейтенанта.*

Первым погибшим из состава батальона от осколка авиабомбы был командир 1-й стрелковой роты капитан Черный Спиридон Григорьевич, тогда же появился и первый раненый штрафник (приказ по 1-му ОШБ № 8 от 21.08.1942 г.).

Первый бой батальона, вернее роты, сформированной из имеющегося в нем личного состава, произошел 9—10 октября 1942 года. Еще 2 октября 1942 года командир батальона получил боевое *Распоряжение Донского фронта № ОУ/0127 от 2.10.42 г* и в тот же день издал **приказ № 47, в котором определялось:**

*1. Сформировать маршевую роту численностью 116 человек... с вооружением: станковых пулеметов – 2, ручных пулеметов – 12, ПППШ – 36, винтовок – 60. В 16.00 отправить по маршруту... и к исходу 3.10.42 сосредоточиться в Садки.*

*2. Для сопровождения роты и передачи ее в распоряжение Командующего 24-й Армией выделяю своего заместителя – капитана Чернявского...*

Я специально привожу текст этого приказа, чтобы опровергнуть домыслы досужих сочинителей о том, что штрафников гнали в бой даже без оружия. Обратите внимание на 116 человек – 110 единиц стрелкового вооружения, не считая наганов, полагавшихся первым номерам пулеметных расчетов. При этом автоматического оружия – 50 %! Да, к

слову, и никаких заградотрядов. А сопровождает роту штрафников всего-то один капитан, заместитель комбата.

Обратите внимание еще на один документ ЦАМО РФ:

***Приказ по 1-му ОШБ № 70 от 26.10.1942 года.***

*Полагать убывшими в Действующую армию 1-ю стрелковую роту в составе:*

*Комсостава – 14 чел.; младшего начсостава и рядовых – 3 чел.  
Переменного состава – 37 чел.; Итого – 54 чел.*

По всей вероятности, и другую, еще даже не полностью сформированную роту тоже потребовалось «пустить в дело», не говоря уже о том, чтобы батальон в полном составе сформировать. Не так уж много было тогда «проштрафившихся» офицеров. Зато на 37 штрафников – 14 офицеров постоянного состава! Все-таки «активные штыки»!

Первые серьезные боевые потери 1-й штрафбат понес в полосе действий 24-й армии генерала Галанина И.В. на высоте 108,4 в районе села Котлубань.

Кто же направлялся тогда в штрафбаты? Офицера мог направить без приговора Военного трибунала командир дивизии, равный ему или более высокий начальник ***только за трусость или неустойчивость на поле боя.*** При всех других преступлениях судьбу виновного определял Военный трибунал. При этом командиры, направлявшие провинившихся в штрафбат, определяли своим решением срок пребывания их там от одного до трех месяцев. Трибуналы при этом руководствовались, как правило, такой «нормой»: лишение свободы до ***10 лет – 3 месяца*** штрафбата, до ***8 лет – 2 месяца*** «штрафа», а ***5 лет и менее*** – приравнивалось к ***одному месяцу***. При этом все они лишались офицерского звания и имевшихся к тому времени у них наград на время пребывания в штрафбате. Так сказать, становились «временными солдатами».

Из целого ряда донесений, имеющих в Центральном архиве МО в Подольске, можно представить тогдашний штрафной контингент. Так, например, за период со 2 октября 1942 года по 1 января 1943 года в батальон поступило 154 осужденных военными трибуналами и 177 – по приказам командиров дивизий и выше – за трусость и другие прегрешения на поле боя. Всего – 331 человек. За это же время потери составили 71 убитых и 138 раненых. (209 человек!)

Эти, как говорят, искупили свою вину, кто кровью, а кто и жизнью. Но вот еще несколько цифр из тех же донесений: ***Освобождено досрочно за***

**боевые отличия 54 человека, по окончании срока —15. Значит, без пролития крови 69 штрафников заслужили прощения Родины!** При этом **награждено орденами 3, медалями – 5 (итого – 8).** А для тех, кто считал (или считает), что командный состав за спинами штрафников получал несметное количество наград, привожу несколько цифр из того же донесения, **касающихся офицеров постоянного состава: убито – 10, ранено – 8, награждено орденами – 2.** Правда, наград-то не густо, не так ли? А потери весьма ощутимы, тем более если бои вел не трех-четырёхротный батальон, а всего только одна или полторы роты, где офицеров постоянного состава было, наверное, едва ли больше выбитых в этих боях! Кстати, из моих собственных наблюдений, на фронте существовало неписаное правило: подлежали награждению в первую очередь те командиры подразделений, у кого больше подчиненных представлено к правительственным наградам. Ну, а в штрафных взводах и ротах таких всегда было не густо, так как высокой наградой за подвиг было досрочное освобождение. А это, как видите, совсем другой вид поощрения.

Вот еще один документ из Архива – донесение начштаба 8-го ОШБ Начальнику Отдела укомплектования Донского фронта № ОУ/027:

*Доношу, что рота, сформированная в количестве: Старший и средний начсостав – 16, младший начсостав – 2, рядовых – 1, переменников – 111.*

*12 января 1943 года в 5.00 отправлена в распоряжение 252 сд 65 А для выполнения боевых задач.*

*НШ 8-го ОШБ майор Лобань.*

Как видно, батальон едва успевал формировать полнокровные роты, а их уже ждали боевые задачи. И еще одна немаловажная деталь: рота шла для выполнения задач в интересах 65-й армии. Неисповедимы не только пути Господни, но и фронтовые судьбы – тоже. Более чем через полтора года, в октябре 1944-го, на Наревском плацдарме в Польше, уже роте под моим командованием довелось выполнять боевую задачу с неожиданно большими потерями. Но об этом в свое время.

Читателю, безусловно, интересно, какая категория офицеров попадала в штрафники. Вот несколько цифр из другого донесения за период с первых дней существования 1-го ОШБ Донского фронта по 30 декабря 1942 года, составленного помощником начальника штаба батальона, интендантом 3-го ранга Сизовым:

Начальники штабов дивизий, бригад и им равных – 6  
Командиры полков и им равных – 14  
Командиров батальонов, дивизионов – 13  
Командиров рот, батарей – 41  
Командиров взводов, зам. ком. Рот – 100  
Командиров танков – 11  
Штабных офицеров полка, батальона – 12  
Политработников полка, батальона – 11  
Политруков рот, батарей и им равных – 26  
Офицеров военно-воздушных сил – 24  
Начальников служб, складов, арт. и автотехников – 17  
Работников райвоенкоматов, военторга – 2  
Секретарь Военного трибунала – 1  
Оперуполномоченный Особого отдела НКВД – 1

По воинским званиям:

Полковник и равные ему – 1  
Подполковник и равные – 4  
Майор и равные – 5  
Капитан и равные – 26  
Старший лейтенант и равные – 44  
Лейтенант, младший лейтенант и равные – 199  
Лейтенант госбезопасности – 1

Как видно из приведенных списков, «неприкасаемыми» не были ни политработники, ни сотрудники Военных трибуналов, ни даже уполномоченные особых отделов НКВД при воинских частях. А вот бывших военнопленных тогда еще в штрафбате не было. Они в значительном количестве появятся позже, когда наши войска станут освобождать временно оккупированные фашистами территории и кому-то придет в голову распространить действие приказа «Ни шагу назад» даже на бежавших из немецкого плена воинов.

Еще один документ ЦАМО РФ:

*Во исполнение Приказа войскам Донского фронта № 09/125 от 30.09.1942 года, 1-й ОШБ переведен с временного на **постоянный штат** № 04/393. Этим же приказом личный состав расформированного 2-го ОШБ в количестве 36 человек передавался 1-му ОШБ.*

Было, значит, вначале в составе Донского фронта **два** штрафных батальона, как и предписывалось приказом № 227, но не доставало подходящего числа трусов и паникеров, чтобы заполнить всю предусмотренную емкость штрафбатов по 800 человек! И свели эти **два** штрафбата в единый, причем переведенных из **второго** оказалось всего 36 человек вместе с командным составом!

А вскоре была произведена смена комбатов. **3 ноября 1942 года в должность командира 1-го штрафбата на основании** приказа войскам Донского фронта № ОКФ/3010 вступил майор Бурков Дмитрий Ермолович.

Надо заметить, что первая замена командира штрафбата произошла менее чем через 3 месяца. Сейчас трудно установить, почему это произошло. То ли потому, что комбат, отправляя воевать роты, сам не получал боевого опыта, то ли сам комбат по той же причине запросился в «горячее» дело, то ли чем-то не пришелся начальству, данных об этом нет. Но гвардии майор Бурков, в свою очередь, был заменен только более чем через 7 месяцев, хотя тоже батальон в полном составе в бои не водил. Видимо, твердых норм здесь не существовало. Все диктовалось обстановкой.

Теперь еще раз о том, как штрафные офицеры освобождались от наказания и смывали с себя вину перед Родиной. Ходили слухи, а многие современные СМИ и теперь продолжают муссировать всякого рода «факты» о штрафниках, как о «париях» войны, то есть «отверженных, бесправных, жалких», как трактуется это слово в Толковом словаре русского языка Д.И. Ушакова.

Но вот пока один из многих документов: **донесение командира 1-го ОШБ** за ноябрь 1942 года, где «переменниками» называются штрафные офицеры, ставшие на время пребывания в штрафбате «временными» солдатами (об истории этого «звания» будет сказано ниже):

**21 ноября 1942 года пали в бою 3 замкомвзвода<sup>[1]</sup> и 5 переменников ранены 1 комроты, 2 комвзвода и 11 переменников**

**22 ноября** погребено 3, ранено 10 переменников

**27 ноября** ранено 17 переменников

**29 ноября** из батальона по результатам предыдущих боев отчислено:

*Получивших ранения – 18 чел.;*

*Досрочно, как проявивших себя в боях – 5 чел.;*

*Отбывших срок – 9 чел.*

Этот документ ЦАМО РФ опровергает слухи о том, что штрафникам тогда было лишь два выхода: ранение или смерть. Как видно из этого донесения, были еще и третий, и даже четвертый выходы – проявить себя

(как надо!) в бою и, наконец, по истечении срока.

Вскоре, когда стихийное формирование штрафбатов по фронтам было приведено в порядок в масштабе всей Красной Армии, и нумерация штрафбатов внутри фронтов была заменена общеармейской, 1-й штрафбат Донского фронта, как и все другие на различных фронтах, получили единую нумерацию.

**14 декабря 1942 года приказом по батальону № 120 было объявлено, что на основании Распоряжения Начальника Оргштатного Управления Главного Управления Формирования Красной Армии № ОРГ/2/789500 от 25.11.1942 года Отдельному штрафному батальону Донского фронта присвоен № 8.**

Мой фронтовой друг Филипп Андреевич Киселев, бывший начальник штаба нашего 8-го штрафбата, стал к концу своей армейской службы генерал-майором. Наша дружба длилась до самой его кончины в Москве, уже в середине 90-х годов прошлого века от тяжелой болезни. Он, служивший в нашем штрафбате чуть ли не с первых дней его создания до расформирования после Победы, в одной из своих послевоенных публикаций в общесоюзной тогда газете «Ветеран» № 3 (55) за 1984 год отмечал также, что **«батальон состоял из постоянного и переменного состава. К переменному составу относились те, которые прибывали в батальон для отбытия наказания за совершенные проступки»** (то есть штрафники-офицеры).

Кстати, я много раз слышал, что в некоторых аналогичных батальонах при обращении к штрафникам и даже в документах к бывшему их воинскому званию добавлялось слово «штрафной» (например, «штрафной майор»), или вообще все именовались «штрафными рядовыми». Не знаю, чье это было решение, может быть, как говорили ветераны штрафбата, самого командующего фронтом генерала Рокоссовского К.К., в ведении которого находился батальон, будь то Сталинградский, Донской или Белорусский фронт. Но в нашем штрафбате, видимо, чтобы лишний раз не подчеркивать их положение, что едва ли способствовало бы их «перевоспитанию», было принято всех, относящихся к переменному составу батальона, то есть «временных солдат», называть **«бойцами-переменниками»**, а не «штрафниками». А к своим командирам они обращались, как обычно принято в армии, например «товарищ капитан», а не «гражданин начальник» или «гражданин капитан», как утверждают многие писаки, не знающие истинной правды о штрафбатах. Они полагают, что штрафные формирования – это не что иное, как военная тюрьма на фронте, со всеми тюремными или лагерными манерами. Бедная же у них



фантазия!

Далее генерал Киселев писал: «К числу *постоянного* состава относились офицеры штаба, командиры рот, взводов, их заместители по политчасти, старшины рот, начальники связи, артиллерийского, вещевого, продовольственного снабжения, финансового довольствия и другие, а также сержанты и рядовые – красноармейцы подразделений охраны и обеспечения. Батальон состоял из штаба, трех стрелковых рот, роты автоматчиков, пулеметной, минометной рот и роты противотанковых ружей, взводов комендантского, хозяйственного, связи».

Был в батальоне и медико-санитарный взвод с батальонным медпунктом. И, конечно же, представитель Особого отдела «Смерш» (Смерть шпионам). В мою бытность этим уполномоченным был старший лейтенант Глухов. Каково было его воинское звание «по линии госбезопасности», не знаю.

Оклады денежного содержания офицерам постоянного состава установлены были штатным расписанием и составляли:

Командир батальона и его заместитель по политчасти – 1900 рублей  
Заместители командира батальона по строевой части – 1300 рублей  
Начальник штаба батальона – 1200 рублей  
Помощники начальника штаба ПНШ-1 и ПНШ-2 – 1000 рублей  
Командиры рот, их заместители по политчасти – 1000 рублей  
Заместители командиров рот – 900 рублей  
Командиры взводов в ротах, санвзвода (врач), другие ПНШ – 800 рублей  
Фельдшер медпункта батальона – 750 рублей

Не знаю, какие оклады были установлены в обычных частях действующей армии, но нам было известно, что оклады наших ротных и взводных командиров были на 100 рублей выше, чем в стрелковых батальонах, то есть как в гвардейских. Это и послужило поводом для шутки о том, что наш батальон – «почти гвардейский!».

О штатной структуре батальона написал мне в своих памятных записках и мой фронтовой друг по штрафбату Петр Загуменников, привлеченный к формированию батальона перед Курской битвой. Тогда, писал он, в каждой роте и каждом взводе, кроме их командиров, предусматривались офицерские должности заместителей по строевой и по политической части (комиссары рот и политруки взводов). Даже самому

Петру Загуменникову, тогда еще лейтенанту, прибывшему в батальон с должности командира стрелковой роты после излечения по ранению, вначале, наверное, как еще очень молодому (неполных 19 лет), предложили именно должность заместителя командира взвода. Он, фронтовик, бывший ротный командир, заупрямился, и его назначили командиром взвода роты противотанковых ружей, а вскоре офицерские должности заместителей командиров и политруков взводов, комиссаров рот упразднили.

Видимо, такое значительное насыщение командного звена и политсостава штатными офицерами предполагалось исходя из того, что иначе управляться со штрафниками в бывших офицерских званиях до полковника будет невозможно. Однако, как оказалось, эта проблема была надуманной, и в ротах оставили по одному «строевому» заместителю, во взводах же их вообще заменили двумя замкомвзводами из числа самих штрафников. Правда, подобное сокращение такого количества намечавшихся ранее политработников позволяло, оказывается, содержать сравнительно большой политаппарат при заместителе комбата по политчасти. За все время моей службы в штрафбате я так и не понял, чем же эта масса политработников занимается, кроме составления политдонесений, если в атаки они с нами, за редким исключением, не ходили, в окопах тоже были гостями нечастыми.

Вот в таком, уже «причесанном» по опыту боев, штрафном (офицерском) батальоне я и оказался. **Еще раз утверждаю, что не офицерских штрафбатов в те годы на фронте просто не могло быть, если только местное командование не шло на какое-нибудь упрощение, выгодное на данный момент!** И попытки некоторых, с позволения сказать, «историков» навязать мысль о том, что из штрафных рот формировались штрафбаты, из них штрафные полки, а из последних даже штрафные дивизии и чуть ли не целые штрафные армии, не более чем бред психически нездоровых людей. А этими «откровениями», например, пытались убедить телезрителей авторы «документального» фильма «Воры в законе», кажется еще в 2003 году.

Поскольку я находился в штрафбате только с конца 1943 года, то боевые действия батальона до этого времени вкратце опишу по документам Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО РФ). Помогут мне в этом и воспоминания моих «одноштрафбатовцев», в том числе того же Петра Загуменникова, а также бывшего штрафника, подполковника в отставке Семена Басова, угодившего в «переменники» нашего штрафбата под Курском.

Восьмой отдельный штрафной (офицерский) батальон, как я уже

говорил, начал свою «биографию», как 1-й ОШБ Сталинградского, а затем Донского фронтов. На Центральном фронте ему предстояло принять участие в Курской битве уже не поротно, как прежде, а в составе батальона по полному штату, до 800 человек, как это было определено приказом № 227. Стал он доформировываться в конце марта 1943 года в селе Змиевка, недалеко от города Орла. Постоянный состав управления батальона и его подразделений пополнялся в основном за счет офицеров, получивших боевой опыт в Сталинградской битве.

У комбата (штатная категория «полковник») было два общих заместителя, начальник штаба и замполит (подполковники), а также помощник по снабжению. У начальника штаба – четыре помощника (ПНШ-1, -2, -3, -4) – майоры. В каждой роте могло быть до 200 бойцов, и роты эти по численному составу фактически приближались к обычному стрелковому батальону. Таким образом, штрафбат в полном составе скорее приближался к стрелковому полку, тем более что полки-то почти никогда не бывали полностью укомплектованными. Штатная должность командира роты – «майор», командира взвода – «капитан», что на одну ступень выше, чем в обычных частях.

И дисциплинарная власть всех командиров подразделений по отношению к штрафникам, которые на время пребывания в штрафбате приравнивались к рядовым, была также соответственно выше. Командир же батальона по отношению к штрафникам пользовался властью командира дивизии, то есть мог за какие-нибудь провинности назначать новые или дополнительные сроки пребывания в штрафбате, предавать суду Военного трибунала и т. д.

Батальон по полному штату под Курском начал формировать еще майор Бурков, но когда штрафбат стал приобретать вид самостоятельной боевой единицы, способной выполнять автономно боевые тактические задачи, командование фронтом решило передать его в руки более опытного командира. **Приказом войскам Центрального фронта № 0272 от 11 мая 1943 года командиром 8-го Отдельного штрафного батальона назначается подполковник Осипов Аркадий Александрович.**

К тому времени батальон был в основном сформирован и занял оборону (по свидетельству Ф.А. Киселева) в составе 7-й Литовской стрелковой дивизии на участке Малоархангельское (Орловской области) – Поньри (Курской области), где и принял боевое крещение в начале Курской битвы уже как полнокровная, самостоятельная боевая единица. Ранее, как уже говорилось выше, в бой отправлялись не только отдельные роты численностью 100 и более человек, как это было в первом бою в начале

ноября 1942 года, но и малокомплектные роты, численностью едва более 50 человек. Иногда вводились в бой и усиленные роты, в состав которых, кроме стрелковых взводов, входили, в зависимости от обстановки, пулеметный взвод, взвод ПТР и даже взвод от роты 82-мм минометов.

Тогда из штатных 100 офицеров постоянного состава в батальоне недоставало 31. А из положенных по штату 769 штрафников числилось 698, то есть недоставало всего чуть больше 9 %. В числе «бойцов-переменников» находились только 39 по приказам командиров, зато 207 по приговорам военных трибуналов и **452 бывших в плену и окружении (почти 65 %!)**, или, как мы их потом привыкли называть, «окруженцы». Вот они, оказывается, и были тогда основной силой штрафбата! Среди бойцов-переменников к тому времени находилось 8 женщин. Это потом, говорят, было личное указание командующего фронтом генерала Рокоссовского о запрете направлять в штрафные формирования женщин.

Вот некоторые данные о составе штрафников батальона по родам войск и служб, воевавших на Курской дуге:

Пехотных командиров – 270  
Артиллеристов и минометчиков – 131  
Офицеров инженерных подразделений – 17  
Офицеров бронетанковых войск – 22  
Офицеров военно-воздушных войск – 8  
Связистов – 38  
Кавалеристов – 9  
Офицеров остальных родов войск и служб – 79  
Офицеров политсостава, юристов – 59  
Административной и интендантской сл. – 65

А вот данные о штрафниках того времени по возрасту (полных лет):

18—21 – 65  
22—26 – 188  
27—31 – 234  
32—36 – 117  
37—41 – 66  
42—46 – 20  
47 и старше – 8

Таким образом в то время самый «популярный» возраст штрафников –

от 22 до 36 лет, что составляло 77 % от всего переменного состава. Да, наверное, тогда эта цифра соответствовала и всему офицерскому корпусу Красной Армии.

Теперь некоторые данные о вооружении батальона. Если по штату ему полагалось 435 винтовок, то в наличии было на 100 больше, правда, автоматов вместо 139 имелось на 44 меньше. Ручных пулеметов было 27, что полностью покрывало потребность 9 стрелковых взводов, противотанковых ружей – 16, ротных 50-мм минометов – по одному на каждый взвод и т. д. Даже один легкий танк был! А противогазы были в излишке. Эти данные для тех, кто пытается убедить, что штрафников гнали в атаку даже вовсе безоружными. Ну и еще в дополнение к этим цифрам: лошадей в батальоне был тогда некомплект: вместо положенных по штату 49 имелось только 29. Зато было 2 грузовых автомобиля. Это потом, с ходом боевых действий, парк автомобилей прирастал неуклонно.

Надо, однако, уточнить, что эти данные взяты из донесения штаба батальона по состоянию на 30 июня 1943 года, когда штрафбат уже стоял в обороне полтора месяца. А потери бывают и в обороне.

Здесь, на Курской дуге, **впервые штрафной батальон был введен в бой почти в полном составе** по штату № 04/393 и в упорных, жестоких боях в течение почти двух месяцев надежно держал оборону. Под командованием подполковника Осипова А.А. 8-й ОШБ отстоял доверенные ему позиции, и 15 июля, прорвав вражескую оборону, перешел в наступление на Тросну. Уже в первые дни наступления батальон понес существенные потери: *погибло 88, пропало без вести 23, ранено 159. Отчислено из батальона искупивших свою вину, кроме 159 раненых, также 68 досрочно освобожденных, как особо проявивших себя в бою.* Конечно же, искупившими вину свою были и все погибшие.

Приказы о восстановлении в правах офицерского состава и воинских званиях составлялись отдельно по погибшим, раненым, освобожденным досрочно за подвиги, проявленные на поле боя, и по тем, кто отбыл определенный за преступление срок пребывания в штрафном батальоне.

Нужно, наверное, сказать и о том, что некоторых штрафников, особо проявивших себя в боях, командование батальона рассматривало, с учетом их желания и согласия, на замещение вакантных должностей офицеров постоянного состава.

**Вот, к примеру, выписка из приказа по 8-му ОШБ № 167 от 2.08.1943 года,** изданного сразу же, по горячим следам боев на Курской дуге и подписанного комбатом, подполковником Осиповым:

***Восстановленных во всех правах офицерского состава допустить к***

*исполнению обязанностей:*

*командира взвода: – младшего лейтенанта Ляхова Василия Николаевича,*

*– лейтенанта Соклакова Алексея Иосифовича,*

*– лейтенанта Краснова Александра Васильевича,*

*фельдшера батальона – военфельдшера Деменкова Ивана Климовича.*

Знакомый уже читателю военинженер 3-го ранга, Басов, бывший тогда штрафником 8-го ОШБ, в этих боях был ранен. Как он рассказывал, рану перевязал ему его командир взвода. А по возвращении в батальон после госпиталя Басову зачитали приказ командующего Центральным фронтом за подписями генерала армии Рокоссовского и члена Военного совета фронта генерала Телегина и вручили ему выписку из этого приказа. Вот она:

## **ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА ВОЙСКАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА**

**25 августа 1943 г. № 0601 Действующая Армия**

**В соответствии со статьей 18 Приказа Наркома Оборны СССР № 298 от 28.09.42 г. переменный состав 8 Отдельного Штрафного батальона Центрального Фронта, проявивший в боях на фронте мужество, отвагу и получивший ранение в бою, отчисляется из Штрафного батальона, восстанавливается в правах начальствующего состава и препровождается на ранее занимаемую должность:**

**3. Бывший инженер технической роты 409 Отдельного Строительного батальона Киевского Укрепрайона военинженер 3 ранга тов. Басов Семен Емельянович, 1915 года рождения г. Фатеж Курской области, русский, служащий, образование высшее общее, Ленинградский автомобильно-дорожный институт в 1938 году, военного не имеет, в Красной Армии с 1941 года, в батальон поступил 11.05.43 г. на 2 месяца по решению Комиссии в соответствии с Директивой Военного Совета Центрального Фронта № 00553 от 11.03.43 г., в боях действовал смело и решительно, будучи наблюдателем, смело выдвигался за траншеи переднего края, своим наблюдением добывал ценные сведения. В бою проявлял решительность, мужество и стойкость, выдвигался за передовые траншеи переднего края, доставлял ценные сведения о противнике. 15 июля 1943 года ранен и госпитализирован.**

*п. п. Командующий войсками  
Член Военного Совета Центрального Фронта  
Генерал Армии РОКОССОВСКИЙ  
Генерал-Майор ТЕЛЕГИН*

Верно: Зав. Делопроизводством 8 ОШБ Ц. Ф.  
Лейтенант а/с Хмелев И.Г.

Прибыв в часть, которая была определена ему в Инженерном управлении Центрального фронта, Басов С.Е. был восстановлен уже в новом звании – «инженер-капитан».

Бои на Курской дуге, как и ранее, показали беспримерную стойкость штрафного батальона, его способность вести решительное наступление и, несмотря на значительные потери, упорно пробиваться вперед.

А после первых дней Курской битвы батальон потерял только в день начала наступления погибшими 55 и ранеными 84 штрафника, да еще за неделю боевых действий в списке погибших оказалось 53 и пропавших без вести – 23 «переменника». Уже к 2 августа 1943 года **приказом по батальону № 167 от 2.08.1943 года на основании приказов по фронту были отчислены** из штрафбата и восстановлены в офицерских правах 159 раненых и 68 досрочно освобожденных за боевые заслуги.

Чтобы читатель представил себе сравнительные цифры потерь, приведу данные о потерях противника из донесения штаба 8-го ОШБ за 19 сентября 1943 года: **убито обер-офицеров—12, унтер-офицеров—41, солдат—450, взято в плен – 1 солдат.** Как видите, в плен, как правило, штрафники немцев не брали, а уничтожали их.

25.08.1943 года штаб батальона, личный состав, обоз и имущество передислоцируется в с. Богуславка Дмитриевского района Курской области (приказ по батальону № 189,) а на второй день **приказом № 190 от 26 августа командир батальона подполковник Осипов объявляет, что**

**«В период наступательных боев в районе деревни Соковники бывший боец переменного состава Лукьянчикова Пелагея Ивановна, исполняя должность санитаря роты, самопожертвенно, презирая смерть, оказывала помощь раненым непосредственно на поле боя. В период боев с 15 по 24 июля ею вынесено 47 раненых бойцов с их оружием. Отмечая героизм, изъятый товарищем Лукьянчиковой, объявляю ей благодарность и представляю к правительственной награде.**

**Командир 8-го ОШБ подполковник Осипов».**

Тогда еще в штрафбат направлялись и женщины. Как правило, им вместо оружия вручались санитарные сумки и определяли им задачи, связанные с оказанием помощи раненым. Это позже, как говорили, лично командующий фронтом запретил направлять женщин в штрафные формирования.

Начавшись еще на Сталинградском фронте, боевой путь 8-го ОШБ проходил далее в жесточайших сражениях на Донском и Центральном фронтах, а начиная с Курской битвы – по землям Курской области, Северной Украины, включая бои за Путивль, и далее – до Днепра в районе Чернигова, получая пополнение в ходе боев. И только там, впервые после боев на Курской дуге, батальон был выведен на отдых и доформирование в район села Добрянка.

Надо сказать, что большие потери вынудили командира батальона Осипова прибегнуть к прежнему способу поротного формирования. Так, приказом № 200 от 6.09.1943 года была сформирована и передана в распоряжение командира 24-го стрелкового корпуса усиленная рота, состоящая из 3 стрелковых взводов, а также взводов автоматчиков, пулеметного, противотанковых ружей и даже взвода 82-мм минометов! Численность такой роты составляла 306 штрафников, 11 офицеров. Ей было передано 4 пароконные повозки и (важная деталь!) 1 пехотная кухня. Таким образом, батальон, получая пополнение на ходу, непрерывно вел бои то в полном составе, то частями. Не прекращались в это время и операции по реабилитации искупивших свою вину офицеров, какой бы она ни была.

Получив непродолжительный отдых недалеко от Чернигова, в с. Добрянка и пополнившись бойцами-переменниками, вооружением и боеприпасами, батальон был переброшен на Лоевский плацдарм на реке Сож (Белоруссия) для расширения и углубления этого плацдарма. Успешно справившийся с новой задачей, в результате чего был освобожден город Лоев, штрафбат перешел в наступление по направлению к Гомелю.

В этот период Центральный фронт был переименован в Белорусский и батальон вошел в состав 48-й армии генерала П.Л. Романенко. С боями штрафбат дошел до города Речица и в составе 132-й стрелковой дивизии участвовал в завершении окружения гомельской группировки немцев, но с боями в Гомель не входил, а был выведен из боя буквально у самых его окраин. Ну, конечно, нельзя было разрешить штрафбату участвовать в освобождении областного центра Белоруссии!

После освобождения Гомеля войсками армии (26.11.1943) батальон, по воспоминаниям Петра Загуменникова, маршем прошел через этот город,



вышел в район села Майское Жлобинского района и занял там оборону на левом берегу Днепра. Вскоре после двухчасовой артподготовки войска перешли в наступление, и батальон продвинулся на четыре-пять километров. Но случилось так, что соседи справа и слева продвинуться не смогли, и штрафбат остался с открытыми флангами. Этим сразу же воспользовался противник, начав отрезать и окружать штрафбат.

Пробившись с тяжелыми боями из окружения, после больших потерь, батальон снова был поставлен в оборону. Вот туда, в этот штрафбат, я с группой офицеров из резерва фронта и прибыл где-то в последней декаде декабря 1943 года.

А 60 лет спустя, в книге «Памяць» («Память»), подаренной мне руководством Жлобинского района Гомельской области, нашли подтверждение обрывочные сведения, ходившие среди офицеров о том, что там, кроме нашего батальона, действовал еще и срочно сформированный 33-й ОШБ, тогда мне не известный. Предполагалось, что он потом, с разделением Белорусского фронта на Первый и Второй Белорусские, был то ли расформирован, то ли передан в состав 2-го Белорусского. А наш, 8-й, остался на 1-м Белорусском, у генерала Рокоссовского Константина Константиновича.

В весьма сокращенном собственном переводе с белорусского я приведу здесь статью из «Книги Памяти» Жлобинского района об этом 33-м штрафбате, о котором многие мои товарищи по фронту, служившие в 8-м ОШБ, слышали, но подробностей не знали. Вот что было в этой статье:

### ***«33-й Отдельный фронтовой штрафной батальон на Жлобинщине***

*33-й ошб скрытно провел ускоренный ночной марш и вышел в район 20–25 км восточнее Жлобина с задачей освободить деревни Майское, Малые Козловичи, Антоновка, оседлать дорогу на Жлобин. Перед батальоном немецкая оборона представляла три сплошных траншеи, 30 пулеметных гнезд, 6 дзотов с тяжелыми перекрытиями и множество блиндажей. Перед траншеями были проволочные заграждения в 3 ряда. Противопехотные и противотанковые минные поля. На рассвете 22 декабря 1943 года после мощной артподготовки и залпа «катюш» батальон пошел в атаку, пустив в ход «карманную артиллерию». Первая рота В.И. Козырева смело и напористо ворвалась в траншею и, прокладывая путь гранатами, штурмом овладела селом Майское, создав условия для продвижения всего батальона. Комбат майор Мурза умелым маневром захватил Малые Козловичи. Восточнее Антоновки батальон встретился с танками противника. В этом бою особо отличился боец*

Прохоров. Он, вооруженный бутылками с горючей смесью, пополз навстречу танкам. Но одна бутылка, разбитая вражеской пулей или осколком, воспламенилась. Прохоров вспыхнул, как факел, но не повернул назад, а, встав во весь рост, рванулся к танку и упал на него, разбив о броню вторую бутылку. Танк загорелся. Задача батальона была выполнена. Военный Совет Белорусского Фронта отметил героизм и мужество 33-го ОШБ и снял судимость со штрафников, которые были восстановлены в офицерских званиях, назначены на командные должности.

*33-й ОШБ обеспечил успех 348-й стрелковой дивизии.  
Б.К. Андрушкевич»*

К сожалению, я не располагаю точными документальными данными о 33-м штрафбате, почему он имел такой большой номер, когда он сформирован и какова его дальнейшая судьба.

Однако, по имеющимся у меня архивным документам, известно:

**Первое:** 8 декабря 1943 года распоряжением штаба фронта из нашего 8-го ОШБ на должность командира 33-го штрафного батальона был направлен заместитель Осипова майор Мурза Илья Митрофанович, грек по происхождению, прибывший в наш штрафбат вместе с Осиповым с должности зам. командира полка.

Вместе с ним убыл туда капитан Калитвинцев Михаил Афанасьевич, командир 1-й роты, а также еще несколько офицеров с разных командных должностей.

**Второе:** 2 марта 1944 года в наш батальон были переведены из 33-го штрафбата большая группа штрафников, не успевших отвоеваться по прежнему месту пребывания, как это произошло в свое время с расформированием штрафбата № 2, передавшего свой оставшийся личный состав штрафбату № 1, который вскоре стал 8-м ОШБ. Из этой группы мне известны фамилии 5 бойцов, часть из которых попали в мой взвод, например Петров С.И., старше меня по возрасту на 9 лет, бывший старший лейтенант, имеющий большой боевой опыт и ставший у меня заместителем. Или бывший заместитель командира мотострелкового батальона Чадов, ставший замкомвзводом у Феди Усманова.

**Отсюда я делаю вывод:** 33-й штрафбат был срочно сформирован в первой половине декабря 1943 года из «избыточного» контингента штрафников, не вмещавшихся в штатные рамки 8-го ОШБ, и уже 22 декабря принял боевое крещение, о котором писал цитируемый выше Б.К. Андрушкевич.

А к 1 марта 1944 года он был расформирован за ненадобностью, просуществовав всего менее 3 месяцев. Конечно, это только мои предположения, прямых документальных подтверждений этому у меня пока нет. Кроме всего, мне непонятно, почему ему был присвоен такой большой (33-й!) порядковый номер. Может быть, когда-нибудь и эта тайна раскроется.

Вот и все, что я могу сегодня сказать о 33-м отдельном штрафном батальоне 1-го Белорусского фронта.

А все, что происходило при мне в 8-м отдельном штрафном батальоне 1-го Белорусского фронта, чего я был участником или свидетелем, расскажу в последующих главах этой книги.

## Глава 3

*В составе 48-й армии. Бои под Жлобином. В составе 3-й армии. Легендарный генерал Горбатов. Штрафники в тылу врага. Освобождение г. Рогачева*

К рассвету 26 (или 27?) декабря 1943 года наш грузовичок остановился на окраине какого-то небольшого, всего из нескольких хаток, населенного пункта. Вернее, населенным он не был, так как населения в нем не было, только то там, то здесь возникали куда-то спешащие силуэты военных в шинелях или полушубках. По команде майора, доставившего нас сюда, мы повыскакивали из машины, захватив с собой свой нехитрый скарб, уместившийся в не очень объемных вещмешках. Изрядно продрогнув в открытой машине на декабрьском ночном морозном ветру, мы стали энергично двигаться, толкать друг друга, чтобы хоть немного согреться. Майор Лозовой быстро вбежал в домик с едва светящимся, словно прищурившимся окошком, и так же стремительно вскоре из него выскочил. Подойдя к нам, он бросил короткое: «За мной!» и широким шагом пошел, не оглядываясь, к другому домику. Мы, еще не размяв как следует свои ноги, едва успевали за ним.

Войдя через сенцы в большую комнату, сразу почувствовали, что помещение хорошо натоплено. Вдоль глухой стены на длинной лавке лежат кучей полушубки, от которых знакомо пахнет овчиной; рядом большая стопка новых валенок, тоже издающих приятный, знакомый с детства аромат. Подумалось, что это для нас. Как-то теплее стало на душе, ведь это проявление заботы о тех, кто станет теперь членом этой большой и очень необычной фронтовой семьи, о которой у меня, в частности, было еще весьма приблизительное представление.

Посреди комнаты стоял длинный, грубо сколоченный стол с рядом коротких скамеек. И не успел я подумать о том, что пора бы и пожевать чего-нибудь, как вошел молодой солдатик, принес стопку алюминиевых то ли мисок, то ли глубоких тарелок и поставил их на стол. Еще одно приятное ощущение заботы. Через несколько минут к нам вошел какой-то щупленький старшина в несвежем, местами засаленном полушубке и предложил позавтракать. Вслед за ним тот же солдатик внес кастрюлю с гречневой кашей, сдобренной поджаренной с луком американской тушенкой, к запаху которой я успел уже привыкнуть, находясь в резервном

офицерском полку, откуда мы и прибыли сюда. В Алкино, в запасном полку, наша офицерская столовая такими запахами, за все 9 месяцев моего пребывания там, не баловала!

Довольно плотно позавтракав и попив крепкого горячего чая, вконец отогревшись, захотелось после бессонной ночи хоть немного вздремнуть, но вошедший к нам еще один офицер, поздоровавшись и представившись, как командир комендантского взвода, старший лейтенант Киселев, сообщил, что нас приглашает на личную беседу командир батальона, подполковник Осипов Аркадий Александрович. Потом Киселев положил на стол список, по которому мы должны были идти к комбату. Я в нем оказался четвертым. А первым пошел капитан Матвиенко, самый старший из нас и по званию, и по возрасту. Минут через 10 капитан вернулся, какой-то возбужденный, раскрасневшийся и стал выбирать себе полушубок и валенки. На наши красноречиво вопросительные взгляды Иван (так звали капитана) многозначительно отмалчивался.

Я с каким-то трепетным волнением дожидался своей очереди. И когда третий по очереди, старший лейтенант Муська Гольдштейн (так он себя назвал при знакомстве, и это имя так на все время и прилипло к нему), ушел к комбату, я не стал ожидать его возвращения и пошел вслед за ним, чтобы не заставлять комбата ожидать моего прихода. Это потом мы узнали, что по документам Гольдштейн значился как Муся или Мусь, а полное его настоящее имя Моисей. Многие через какое-то время стали называть его просто Мишей, таким он был компанейским, или, как бы теперь сказали, – коммуникабельным. Вскоре Муська вышел из домика комбата, я набрался духу, поправил на себе снаряжение, как можно тверже вошел к комбату и постарался точно по уставу доложить о прибытии в его распоряжение для прохождения дальнейшей службы. Комбат встал, вышел из-за стола, стоявшего напротив входа, подошел ко мне и молча протянул руку. Пожимая его ладонь, я вначале остерегался сильно пожать ее своей, вовсе не маленькой ладонью потомственного сибиряка, но оказалось, что рука у комбата крепкая, жилистая, и мне самому довелось почувствовать ее твердость. Как нас учили еще в разведвзводе на Дальнем Востоке, начальство нужно «есть глазами». Мой взгляд встретился с не менее внимательным и твердым взглядом подполковника.

Какое-то время, может, секунду, а может, значительно больше, мы молча разглядывали друг друга. Мне показалось, будто он изучает каждую черточку лица моего, чтобы навсегда его запомнить. А я успел заметить, насколько усталыми кажутся его глаза, с едва заметным прищуром и покрасневшими от бессонных ночей белками. На этом фоне очень

выделялся ослепительно белый, свежесподшитый подворотничок у выдавшего виды его кителя с несколькими орденами. Да и возраст его произвел на меня впечатление довольно пожилого, по нашим тогдашним, почти юношеским меркам, человека лет так более 45. Только когда я стал работать над рукописью моего «Штрафного удара», мне Рогачевский райвоенкомат сообщил, что Аркадий Александрович Осипов родился в 1908 году. Значит, в 1943 году ему было всего-то тридцать пять лет! **Верно говорят, война не красит и не молодит человека!**

Потом комбат пригласил меня сесть к столу, взял мое личное дело, пролистал его несколько страниц, останавливая взгляд на интересующей его информации. Затем медленно встал (я тоже вскочил со своего места) и неспешными широкими шагами стал ходить по комнате, задавая мне время от времени вопросы и внимательно выслушивая мои ответы. Как мне показалось, его больше заинтересовала моя служба рядовым разведчиком еще до училища, хотя потом он подробно расспрашивал, чему нас учили в нем, что мне больше нравилось и на какие детали практической подготовки обращалось внимание в училище. Беседа эта, как мне показалось, была более продолжительной, чем с моими предшественниками.

А завершилась она снова крепким рукопожатием, добрыми напутственными словами и запомнившейся мне фразой: «Ну что же, товарищ лейтенант, привела судьба нас повоювать вместе. Будем надеяться, доведется нам успешно встретить Победу. А пока побудьте в моем резерве у подполковника Кудряшова Александра Ивановича» и сделал едва заметный кивок в сторону.

Только тут я заметил, что у стены слева сидели подполковник и старший лейтенант, который быстро то ли записывал, то ли просто помечал что-то в толстой тетради или конторской книге. Подполковником оказался тот самый Кудряшов, а старшим лейтенантом, как я узнал позже, – уполномоченный особого отдела «Смерш» Глухов. Кудряшов сказал мне, чтобы я шел в распоряжение (значит, понял я, в отведенный нам домик) и ждал команды. Четко повернувшись кругом, я вышел. Только спускаясь с невысокого крылечка, я заметил, что под шапкой моей густая шевелюра изрядно взмокла. Так закончилась наша первая встреча. С комбатом Осиповым мне довелось и обрести боевое крещение, чуть не утонув в ледяной купели, и даже чуть не перейти из офицера-командира в разряд офицера-штрафника, и дважды самому перенести серьезные ранения, и даже получить очередное воинское звание. Этот первый мой фронтовой комбат, как когда-то первый мой командир роты – политрук Тарасов, стал образцом боевого командира на всю мою воинскую службу, оказавшуюся

довольно долгой.

В этот первый день нас познакомили с организацией и штатной структурой батальона, его вооружением, с категориями переменного состава. Так мы узнали, что на 20 декабря состояло штрафников 918 человек (это же почти полк!). А после ожесточенных боев 23 декабря потери составили: убитых – 144, раненых – 288, пропавших без вести – 59. В боевом донесении «Штабат 8 отд. с-з. Майское 7.00 24.12.43» записаны эти же цифры, только есть еще одна фраза: «Налицо людей 349». Элементарный подсчет обнаруживает разницу в 78 человек, которые, вероятно составили боевые потери (убитых и раненых) за период 20–22 декабря. Значит, и эти 3 дня не были спокойными. При соотношении потерь аналогично тому, какими они оказались 23 декабря (1:2), можно предположить, что эти потери составили: убитых – 26, раненых – 52. Так что возможные потери за весь период могли составить убитых – 170, раненых – 340. По предварительным, далеко не точным подсчетам (не было времени для точных подсчетов трупов противника!), на поле боя осталось более 300 трупов фашистов, в том числе 1 генерал, 22 офицера, 250 солдат. Надо сказать, что штрафники, как правило, пленных не берут без специальной на то команды, но здесь в плен было взято 2 унтер-офицера и 24 солдата. Наверное, так сложились обстоятельства. *(Эти цифры также подтверждаются архивными документами ЦАМО РФ.)* Может, я утомил читателя обилием цифр, но этим примером мне хотелось показать, **какова общая картина жестокости и напряженности боев, которые приходится вести штрафбату!!!**

В этот же день мы познакомились с командованием и штабом батальона, некоторыми его тыловыми службами и частью политаппарата. Мне почему-то сразу запомнился высокий, богатырского телосложения старший лейтенант Желтов Александр Матвеевич, который представился мне, лейтенанту, как парторг батальона и сразу же, как-то быстро, без каких-либо формальностей, поставил меня, кандидата в члены ВКП(б), и многих других на партийный учет. Наверное, только парторга Желтова, Филиппа Киселева да еще начальника службы вооружения, старшего лейтенанта Бабича, из рук которого я получил свое личное оружие – пистолет системы «Наган», и помощника начпроба, старшину Червинского, накормившего нас с дороги по прибытии в батальон, я запомнил сразу. Это потом, постепенно круг знакомств расширялся.

На второй день нашего пребывания в батальоне нас развели по окопам переднего края, и я здесь впервые увидел ту главную силу штрафбата, тех бойцов, которых как-то непривычно заочно называли штрафниками. Я

говору «заочно», потому что уже в первый день нам разъяснили, что всех их принято здесь называть и обращаться к ним по-особому: «боец-переменник», так как, в отличие от нас, они относились к *переменному* составу, а мы – к *постоянному*.

Несколько дней мы прожили в окопах вместе с этими бойцами. Я увидел, что большинство моих бойцов во взводе разведки, который мне подчинили, старше меня по возрасту. Да и по их временно отнятому званию – тоже. Обмундированы бойцы батальона, как я успел обратить внимание, были как-то разношерстно: большинство – в солдатских шинелях и шапках-ушанках солдатского образца, на ногах – ботинки с обмотками, некоторые – в офицерских шинелях и сапогах, но все без погон. Оказывается, первые – как правило, бывшие военнопленные и вышедшие из окружения или из освобожденных от оккупации территорий (потом всех их стали называть «окруженцами»), а вторые – бывшие офицеры фронтовых или тыловых подразделений, осужденные Военными трибуналами или направленные в штрафбат решением командиров дивизий и выше. В разведвзводе оказались все из боевых офицеров, «окруженцев» там не было. Это было понятно, взвод комплектовался из имеющих боевой опыт, обстрелянных бойцов. Только я, их командир, оказался в этом отношении «салагой», которому еще предстояло набираться боевого опыта...

Мои опасения относительно могущих возникнуть сложностей во взаимоотношениях были напрасными: и между собой все они общались привычно, как равные, может быть, только подчеркнуто уважительно с теми, кто в прошлом носил высокие воинские звания. Я даже слышал иногда обращения штрафников друг к другу по их действительно в прошлом воинскому званию «товарищ подполковник». К своим сегодняшним командирам штрафники обращались строго по-уставному, и чувствовалось в этом стандартном обращении совершенно нестандартное уважение, даже ко мне, еще необстрелянному лейтенанту. Со временем и эта особенность мне стала понятна: ведь от сегодняшнего командира зависит во многом и сама жизнь штрафника. Ведь, в конце концов, он, командир, поведет их в бой, и то, как умело будет управлять своим подразделением, от этого может зависеть и возвращение в офицерский строй.

Личные отношения у меня с подчиненными складывались, вопреки опасениям, неожиданно хорошо. Я как-то сразу почувствовал заботу о себе в том, что командиры отделений, более степенные и солидные бойцы, как-то старались оградить меня на первых порах от принятия самостоятельных



решений, да и от любопытствующих подчиненных тоже, то есть помогали мне на первых порах «держат дистанцию». А поскольку наступил период, когда мы стояли в обороне и активных боевых действий пока ни мы, ни противник не вели, мне было удобно постепенно «вращаться» в обстановку, понимать непростую ситуацию, складывающуюся в таком необычном батальоне.

Между тем и я сам стал привыкать к боевой обстановке. Научился ходить вдоль окопов, не провоцируя своим ростом вызова огня противника на расположение взвода. Научился различать чириканье и свист летящих мимо пуль, вой или шорох снарядов и мин противника, летящих куда-то или могущих разорваться в опасной близости.

Как-то раз, по вызову того самого подполковника Кудряшова, мне нужно было вечером покинуть окопы и прибыть в штаб. По ходу сообщения я прошел какое-то расстояние, а затем мне предстояло пройти метров 300 по открытому месту. А приближалось время, обычное для немецкого артонала, и я, честно говоря, подумал, не попаду ли под него. И надо же, попал! Буквально не пробежал и нескольких десятков шагов, как загрохотало и эту поляну накрыло несколько разрывов, вздыбивших заснеженную землю серией фонтанов, больше похожих на извержение каких-то мини-вулканов.

Наверное, нет людей, не ощущавших страха на войне. Ощущая, может быть, впервые в жизни, этот всепоглощающий, наверное, даже животный страх оттого, что я один, никого нет рядом и, в случае чего, мне никто не поможет, я бросился на землю, укрытую плотным, утоптаным снегом. А разрывы снарядов или мин немецких не становились реже, и мой страх, казалось, куда-то постепенно забирался внутрь. Единственным моим желанием стало: «Ну, пусть, раз уж суждено, только сразу в меня, а не рядом. Пусть огромная, все раздирающая боль ворвется в меня, но ведь это только на мгновение». Однако именно эта мысль неожиданно успокоила меня, а чувство страха куда-то вовсе девалось, и я решил больше не дожидаться лежачего конца. Да и, думаю, меня же ждет замкомбата и не подумает ли он, что я где-то прячусь от артонала, как трусливый кролик. Как будто какая-то внутренняя пружина подбросила меня, я вскочил и, не обращая внимания на вздымавшиеся то тут, то там фонтаны взрывов, побежал вперед.

И будто по мановению волшебной палочки, вдруг прекратились разрывы. От неожиданности я даже остановился, не веря, что весь этот кошмар закончился. Придя в себя, побежал дальше. И пока бежал, периодически переходя на ускоренный шаг, чувствовал, что все еще

дрожащие мои нервишки постепенно перестают вибрировать, и я смогу спокойно доложить подполковнику о своем прибытии. Так и произошло: показавшийся мне вначале не очень приветливым, Кудряшов довольно тепло принял мой доклад, не преминул заметить, что мог бы и не спешить, а переждать эту вражескую канонаду. Ну а дальше пошел разговор о том, не хотел бы я перейти на штабную работу, хотя бы пока временно. То ли оттого, что я вот сейчас преодолел в себе неведомый мне ранее барьер страха, то ли от простого нежелания менять живое общение с такими необычными бойцами на бумажно-канцелярское, как мне подумалось, дело, я ответил, что если имею право отказаться, то не согласен. Совершенно неожиданно и даже вроде бы радуясь, подполковник одобрил мое решение, и я вернулся в свой окоп.

Понемногу знакомился и с командным составом батальона. Не переставал меня удивлять каким-то отеческим отношением к нам, командному составу и к штрафникам, наш комбат Осипов. Видимо, не зря и те, и другие между собой называли его «отец родной», а чаще просто «Батя».

На одном примере, ставшем нам известным, я сделал вывод и об удивительной сдержанности, и о высоком моральном духе, о советском патриотизме большинства воинов, не очень обласканных той же советской властью и оказавшихся в штрафбате. А вероятнее всего, это была закономерная реакция бойцов на атмосферу доверия и уважения к ним, считающимся преступниками, со стороны офицерского состава батальона.

Однажды, уже близко к Новому, 1944 году, из окопов на полевою кухню был направлен с термосом за горячим обедом один боец-переменник. Случилось так, что ему встретился другой штрафник, направлявшийся из штаба батальона в окопы с каким-то поручением. Так вот, «кухонный» (так назовем первого) говорит посыльному (так назовем второго): «Не хотел бы ты иметь хорошие трофейные золотые часы?» Тот подумал, что ему предлагают практиковавшийся на фронте обмен типа «махнем, не глядя», когда обмениваются вещами, не видя их, и кто из менял окажется в выгоде, покажет итог такого обмена. Поэтому он заявил инициатору, что у него нет ничего равноценного. Тогда «кухонный» предложил посыльному в обмен подарить ему пулю и разъяснил: «Я тебе часы, а ты мне прострели руку, и будем квиты». «Посыльный» снял с плеча автомат, а «кухонный», истолковав это движение как согласие на «обмен», поднял вверх руку. Тогда его визави, направив свой автомат в грудь желающему получить вождеденное ранение, сказал примерно следующее: «А теперь, сволочь продажная, такую твою мать... (и т. д., и т. п...)»

поднимай и вторую руку! Я тебе покажу, что таких б..., как ты, не так много среди нашего брата, как тебе кажется!»

И привел его прямо в штаб батальона к комбату Осипову. Тот, хотя практически и имел право даже расстрелять такого негодяя, отобрал у него те самые часы, хотя и не золотые. Тут же комбат вручил их «конвоиру», объявив ему благодарность. А этого, не состоявшегося членовредителя (так называли в армии «самострелов» и им подобных), под конвоем и в сопровождении уполномоченного Особого отдела (в просторечии – «особиста») отправил куда-то, то ли в трибунал, то ли в Особый отдел старшей инстанции. Какова дальнейшая судьба этого «менялы», я не знаю, но сомнений в этом ни у кого не возникало. Да и не в этом суть, а в том, на каких основах строились взаимоотношения между штрафниками, и неважно, в каких воинских званиях они были до того, как попали в штрафбат, из «окруженцев» или боевых офицеров.

Несколько непохожим на осиповское было отношение к нам начальника штаба майора Носач. Только теперь, работая над этой книгой, я получил от «краснозвездовца» Мороза Виталия Ивановича, заместителя главного редактора этой популярной газеты, ряд ценных архивных документов, проливающих свет и на причину такой странности в отношении к нам начальника штаба. Оказывается, в нашем штрафбате произошел беспрецедентный случай, когда организованная группа из 7 «окруженцев», не бежавших из немецкого плена, а долгое время находившихся на оккупированной территории и не пытавшихся даже связаться с партизанами или перейти линию фронта (а может, и тайно сотрудничавших с немцами?), воспользовавшись суматохой боя, перешла на сторону противника. Майор Носач, не проверив дошедших до него сведений об их мнимой гибели или ранениях, донес в Отдел кадров фронта о том, что трое из них погибли, один пропал без вести, а трое ранены и госпитализированы. Как оказалось на самом деле, эти предатели решили перейти на службу к фашистам. Вот майор Носач за плохую постановку учета штрафников, за представление непроверенных сведений и обман и был, уже по завершении нами рейда в тыл противника, смещен с должности начштаба и приказом командующего фронтом назначен не с повышением, как мы думали тогда, а адъютантом старшим в обычный стрелковый батальон. (Ксерокопию этого приказа я публикую в книге.) И после войны, когда я разыскивал своих сослуживцев по штрафбату, нашел и Носача, в том же звании майора запаса в Киевской области, но он не пожелал с нами поддерживать связь. Видимо, стыдился своего тогдашнего проступка, из-за которого всеми любимым комбат Осипов получил тогда

предупреждение (это, правда, еще даже не взыскание) от генерала Рокоссовского, но все-таки... Правда, вскоре тот же Рокоссовский присвоил Осипову звание «полковник».

Спустя несколько дней наступил 1944 год, который ничем особым не отмечался, разве только немцы особенно много навешали над нашими позициями осветительных ракет на парашютиках да продолжительнее и как-то гуще вели артиллерийско-минометный обстрел траншей, занятых нашими войсками, и не только на участке штрафбата. А еще через неделю остатки нашего батальона сняли с оборонительных позиций, вывели во второй эшелон, разместили штаб в селе Майское, а боевые подразделения и хозяйственные структуры – в близлежащих деревеньках. Батальон наш стал принимать новое пополнение, основная часть которого состояла из того контингента, который назывался у нас одним словом «окруженцы», хотя это слово произносилось без тени презрительности или унижительности, как это может показаться поначалу. И главным делом нашим стало обучение их владению оружием, элементарным приемам переползания, окапывания и всему, что ими было забыто за годы плена или оккупации, или даже было неведомо вовсе, если они ранее не служили в пехоте.

Видимо, по распоряжению комбата, его заместитель подполковник Кудряшов постоянно курировал мой разведвзвод (а может, меня, его командира, еще не имеющего боевого опыта?) и из прибывающего пополнения отбирал кандидатов в разведчики, направлял их ко мне, предоставляя право окончательного решения самому взводному.

В общем, моя главная командирская задача состояла в том, чтобы разведвзвод был укомплектован бойцами, способными выполнять любые боевые задачи, вплоть до вождения мотоциклов, автомобилей и даже танков. Естественно, что первыми кандидатами в мой взвод были бойцы, имевшие боевой опыт, связанный именно с разведывательной работой. Отбирались крепкие здоровьем пехотинцы, а также танкисты, автомобилисты, саперы, связисты и бойцы, владеющие немецким языком хотя бы немного лучше, чем я сам, знающий его в пределах программы средней школы. Конечно, подходящих бойцов оказывалось немного, но взвод мой, значительно поредевший после тяжелых боев и после освобождения от пребывания в штрафбате отличившихся ранее в боях, пополнялся медленно, но подходящим составом.

Пришло время начинать с ними практические занятия, которые на первых порах заключались в проверке умения бойцов и стрелять, и метать гранаты, и делать многое другое, что может понадобиться разведчику. Некоторых бойцов-перемеников, предварительно зачисленных во взвод,

если кто-то из них боялся гранаты, оказавшейся в руках, недостаточно метко стрелял, не умел обезвредить противопехотную немецкую мину и т. д., пришлось вернуть на приемо-распределительный пункт. Оттуда их с удовольствием забирали в другие подразделения. Это было похоже на порядок, памятный еще по 1941 году, когда нашу роту запасного полка 2-й Дальневосточной армии разбирали по полкам дивизии генерала Чанчибадзе. Но только здесь все это делалось уже для непосредственно боевых действий в соприкосновении с реальным противником. Оставшиеся до получения боевой задачи дни и ночи были заполнены тем, что называлось в армии боевой и даже по 1–2 часа – политической подготовкой.

И вот наступило это время.

Как мы считали тогда и как кажется теперь, наш 8-й отдельный штрафной батальон сыграл довольно важную роль в освобождении районного центра Белоруссии, г. Рогачева Гомельской области. Дело в том, что неоднократные попытки наших войск в начале 1944 года перейти в наступление в этом районе, преодолеть сильно укрепленные рубежи противника на реках Днепр и Друть, ликвидировать Рогачевский плацдарм немцев на Днепре успеха не имели.

Как сказано в одном из изданий по истории Отечественной войны, «... противник, учитывая, что потеря оккупированной им Белоруссии, прикрывавшей путь в Прибалтику, чревата для него серьезными последствиями, продолжал держать здесь крупные силы и укреплять оборонительные рубежи. Тогда только в составе немецкой группы армий «Центр» было 70 дивизий»<sup>[2]</sup>.

От себя добавлю: через Белоруссию пролегал путь в первую очередь в Польшу и Восточную Пруссию. И это тоже имело огромное значение.

Вот тогда к участию в ликвидации Рогачевского плацдарма немцев и взятию г. Рогачева и был привлечен наш батальон. Пополнение батальона, пока мы находились в Майском, шло довольно интенсивно. И не только за счет проштрафившихся боевых офицеров. Поступал по-прежнему и значительный контингент бывших офицеров, оказавшихся в окружении в первые годы войны, находившихся на оккупированной территории и не участвовавших в партизанском движении, бывших военнопленных офицеров. Полицаев и других пособников врага в батальон не направляли. Им была уготована другая судьба.

В последнее время некоторые наши историки заявляли, что **всех** бывших военнопленных и «окруженцев» в соответствии с приказом Сталина № 270 1941 года загоняли уже в советские концлагеря, **всех**

военнопленных объявляли врагами народа. Тот факт, что наш штрафбат пополнялся и этой категорией штрафников, а «врагов народа», то есть осужденных или арестованных по политическим статьям в нашем штрафбате за все время войны не было, говорит о том, что такие утверждения не соответствуют истине.

Известно, что бывшие военнопленные – офицеры, не запятнавшие себя сотрудничеством с врагом, действительно направлялись в штрафбаты. Правда, как правило, не по приговорам военных трибуналов, а по решениям армейских или фронтовых комиссий, которые руководствовались приказом Ставки Верховного Главнокомандования № 270 от 1 августа 1941 года, квалифицировавшим **сдачу** в плен как измену Родине. Беда была только в том, что комиссии эти редко различали, кто **сдался в плен, то есть добровольно перешел** на сторону врага, пусть даже в критической обстановке, а кто **попал в плен** либо будучи раненым, либо контуженым, или **по трагическому стечению не зависящих от него обстоятельств**.

И если к первым правомерно было применить наказание за их вину перед Родиной за нарушение присяги, то вторые фактически не имели перед своим народом никакой вины. Вот здесь мне кажутся несправедливыми факты приравнивания одних к другим. Но что было, то было. Некогда, наверное, было этим комиссиям докапываться до истины, нужно было пополнять штрафбаты.

Кстати, направление боевых офицеров в штрафбаты просто по приказам командиров соединений, то есть такое расширение власти командиров крупных воинских формирований, может, и можно считать оправданным, но только в отдельных случаях, когда для судопроизводства не было времени. А фактически почти всегда количество направленных по приказам командиров превышало количество осужденных военными трибуналами. Конечно, процесс судопроизводства требовал больше времени, поэтому нетерпеливые начальники часто прибегали к более оперативному решению виновности или невиновности офицера. Причем не исключались и случаи несправедливости. Например, я помню случай, когда уже в 1945 году к нам прибыл командир разведроты полка, направленный в штрафбат на 3 месяца «за трусость и невыполнение боевого приказа», хотя этот офицер имел медаль «За отвагу», орден Красной Звезды, два ордена Красного Знамени! Трудно поверить в «трусость» такого опытного разведчика.

И в нашем батальоне в тот период все пополнение из «окруженцев» было «делегировано» именно фронтовыми, а иногда и армейскими комиссиями. Наверное, это было продиктовано все-таки необходимостью

срочного и более полного укомплектования штрафбата.

Тогда батальон принял столько пополнения, что по численности приближался к составу стрелкового полка. Во взводах было до 40 человек, роты иногда насчитывали до 200 бойцов, а батальон – около 800 «активных штыков», как говаривали тогда, то есть в 3 раза больше обычного пехотного батальона. Были сформированы все предусмотренные по штату роты, в том числе пулеметная, противотанковых ружей и 82-мм минометов, в которой взводным оказался наш Муся-Миша Гольдштейн. Командиром этой роты был тогда еще старший лейтенант Пекур Федос Ильич, огромного роста белорус, немного медлительный, и, казалось, его было трудно вывести из состояния спокойного равновесия. Вскоре он был произведен в капитаны, а затем и в майоры. Для штрафбата это было нормально. Я сам к концу войны на должности ротного получил звание майора. Да и многие наши офицеры успевали дослужиться до своих штатных званий на ступень выше, чем в обычных войсках.

Числу к 15 февраля показалось, что по какой-то неофициальной команде стали сокращать, казалось, безразмерные по времени часы занятий, стали больше времени отводить на отдых. Появились даже часы личного времени, в которые рекомендовали и письма родным написать, и обмундирование и обувь подремонтировать. Даже мастерские из умельцев были организованы.

Бывалые штатные офицеры и бойцы стали поговаривать о том, что через день-два получим боевую задачу. Так и получилось. Вскоре комбат объявил срок готовности к выступлению, как оказалось потом, для участия в освобождении его родного города Рогачева.

Хотя Рогачевско-Жлобинская наступательная операция Белорусского фронта длилась, как указано в справочных изданиях о Великой Отечественной войне, с 20 по 24 февраля 1944 года, для нас она началась раньше. В ночь на 19 февраля батальон был поднят по тревоге и в срочном порядке, оставив все свои тыловые подразделения и соответствующую охрану в селе Майское, совершил ускоренный пеший марш, преодолев за ночь километров 25, минуя хорошие дороги, чтобы не дать противнику, ведущему постоянное авианаблюдение, разгадать наши приготовления. Были введены строжайшие меры маскировки.

Сосредоточились мы в лесу недалеко от села Гадиловичи ближе к линии фронта уже утром. Там нам немедленно стали выдавать боеприпасы, белые маскхалаты, сухие пайки, придали батальону взвод огнеметчиков и подчинили на время группу саперов. К середине дня мы уже были в боевой готовности, еще не зная, какую задачу будем выполнять.

И вскоре нас построили. Оказалось, что кроме нашего батальона рядом была еще одна большая группа, правда, раза в 4 меньше нашей, но тоже в маскхалатах да еще полностью «вооруженные» лыжами. Потом мы узнали, что это лыжный батальон. Оказывается, батальон батальону рознь. Только здесь я понял, каким большим оказался в то время наш штрафбат.

Через какое-то совсем непродолжительное время к нашему общему строю подъехала на «виллисах» группа больших начальников – генералов и офицеров. Оказывается, к нам прибыл командующий 3-й армией генерал-лейтенант Александр Васильевич Горбатов. Правда, потом многие бойцы, особенно из «окруженцев», приняли его за командующего фронтом генерала Рокоссовского. Но мне стоящий рядом подполковник Кудряшов сказал, что это именно Горбатов, которого он знал в лицо. А это значило, что мы перешли из состава 48-й армии генерала П.Л. Романенко в армию А.В. Горбатова. Рослый, статный, этот генерал довольно четко, но как-то не по-генеральски мягко, почти по-отечески рассказал о сути той боевой задачи, которую предстояло нам выполнить. Я обратил внимание на то, что командующий почему-то опирался на большую, крепкого дерева суковатую палку. Подумал, что он, наверное, еще не оправился от ранения. Это уже потом я слышал не то легенду, не то быль о том, как «учил дураков» этой палкой прославленный генерал.

В своем кратком, весьма эмоциональном выступлении генерал сказал, что перед нами ставится необычайная по сложности и ответственности боевая задача проникновения в тыл противника и активных действий там. И он надеется, что эту задачу наш штрафбат, бойцам и командирам которого доверяют и командование армии, и сам командующий Первым Белорусским фронтом (так со вчерашнего дня стал именоваться наш фронт) генерал армии Рокоссовский, выполнит с честью. А характер задачи, повторил он, свидетельствует о том большом доверии, которое оказывает такому батальону, как наш, командование фронта и армии. Одновременно он пообещал, что если поставленная задача будет выполнена образцово, то всех штрафников, проявивших себя стойкими бойцами, независимо от того, будут ли они ранены, «прольют ли кровь», генерал Рокоссовский освободит от дальнейшего пребывания в штрафном батальоне. Всех их восстановят в прежних воинских званиях, а особо отличившиеся, кроме того, будут награждены орденами или медалями.

Надо только представить, какой общебатальонный, будто усиленный молчащим лесом, вздох надежды раздался после этих слов!

Детали этой задачи объяснил нам наш комбат подполковник Осипов Аркадий Александрович. Это был с заметной сединой, как всегда, со



спокойным лицом и мудрым взглядом офицер, казавшийся всем нам весьма пожилым, хотя было ему, как оказалось потом, едва за 35. Задача состояла в том, чтобы в ночь на 19 февраля, как нам, командирам штрафников сообщили, мы, незаметно для противника, должны перейти линию фронта и, избегая боевого соприкосновения с ним, смелым броском выйти ему в тыл, дойти до западной окраины Рогачева. А там, во взаимодействии с лыжным батальоном, захватить город и удерживать его до подхода основных сил армии. На время этой операции наш штрафбат передавался в оперативное подчинение 41-го стрелкового корпуса, и на все это нам отводилось трое суток, из расчета чего и были выданы боеприпасы и сухой, далеко не богатый паек (консервы, сухари и сахар). Взводу разведки, который фактически сформировал уже я, была поставлена задача исполнять роль авангарда, то есть подразделения, идущего первым и прокладывающего путь всему батальону. За своих подчиненных я был спокоен, но больше волновался за себя, смогу ли владеть собой, не растеряюсь ли в сложных ситуациях, смогу ли управлять подчиненными.

Лыжному батальону, подумали тогда мы, наверное, будет легче на лыжах-то! Мне лично глубокие снега не казались особенно отягчающим обстоятельством. Еще свежи были в памяти впечатления от зимних лагерей в военном училище на Дальнем Востоке.

Тогда, в начале февраля 1942 года, нам, курсантам пехотного училища в Комсомольске-на-Амуре, предстояло выйти в зимние лагеря на 18 суток. К этому времени снег, особенно в тайге, был, как говаривал майор Бабкин, наш училищный преподаватель-балагур, «по самые я... извиняюсь», то есть чуть ли не до пояса. А морозы в феврале там зашкаливали за 35 градусов!

На расстояние 50–60 километров в глубь тайги мы совершали марш в ботинках с обмотками, имея с собой в ранце, кроме всего прочего, еще и пару валенок. По прибытии на место устроили лагерь из высоких то ли кедровых, то ли еловых шалашей (один на взвод). В этом шалаше разрешалось жечь небольшой костер, чтобы при возможности, особенно ночью, можно было по очереди согреться. Ботинки уложили в ранцы, обули валенки. Беда только в том, что вокруг этого костерка могло более или менее эффективно обогреться одновременно не более 5–7 человек, остальным тепла не доставалось.

С молчаливого согласия командира взвода, лейтенанта Лиличкина, недавнего выпускника Хабаровского пехотного училища, мы постепенно добавляли в костер заготовленные за день дрова, пока подсохшие хвойные ветки вдруг не вспыхнули наверху все разом. Через несколько минут от

шалаша остались только угли и растаявший вокруг снег. Комвзвода получил серьезное взыскание, а мы лишились права строить другой шалаш. Вот и приговорены мы были греться все ночи в чужих шалашах, если удавалось.

Правда, потом сообразили: днем очень небольшие костры разрешалось жечь практически без ограничений, так как по условиям военной игры «противник» мог заметить открытый огонь только ночью. Ну, а это уже был выход из положения. Расчистили до грунта снег и на этом месте целый день остававшиеся в лагере дневальные жгли групповые костры, разожженные на каждое отделение. Вечером головешки убирали, а земля от костров так прогревалась, что, положив на нее слой хвойного лапника, мы в своих солдатских шинелях и валенках по отделениям плотно укладывались на эту теплую «постель» и довольно «комфортно» несколько часов «блаженствовали». Днем мерзнуть было некогда: то отражение атак «противника», то длительные лыжные переходы, то взятие высот и сопки, то марш-броски в снегу по пояс.

А когда кончились эти долгие 18 суток, приказали нам снова переобуться в ботинки. А они, мокрые после перехода в лагерь, смерзлись. Пришлось оттаивать их у костра. И тут я переборщил: близко к костру придвинул один ботинок, и он от огня весь съезжился. Однако идти в валенках мне не разрешил ни командир роты старший лейтенант Литвинов, сам даже не надевавший валенки за все эти 18 суток, ни комбат майор Панов. Более высокого начальника в этом зимнем лагере не было, так что «приговор» комбата был окончательным, и пришлось надевать скукожившийся ботинок. Большой палец ноги в нем оказался настолько сжатым, что за время обратного похода он обморозился, и его подушечка даже лопнула, хотя, как оказалось при возвращении в казармы, кровь даже не выступила. В санчасти училища мне оказали нужную помощь и на две недели освободили от ношения обуви, а значит, и от наружных занятий. Подобное в то строгое время могли расценить и как членовредительство, но меня даже не наказали! Наверное, потому, что комбат почувствовал в этом «ЧП» и свою вину тоже.

Но все это было там, в училище. А здесь, в Белоруссии, в нашем батальоне на лыжах-то были только волокуши для транспортировки раненых и даже убитых, если они будут. Не оставлять же их во вражеском тылу.

В случае неудачи с захватом Рогачева или отмены этого задания нам предстояло в тактической глубине противника (до 20 километров), в его войсковом тылу активно нарушать вражеские коммуникации, их связь,

взрывать мосты, по которым могут проходить гитлеровские войска, громить штабы. Всеми этими действиями мы должны были дезорганизовать управление, воспретить подход резервов из глубины, при возможности их рассеивать или уничтожать. Главное было – посеять панику и отвлечь внимание немецкого командования от передовой линии фронта, где должно было, наконец, начаться более успешное наступление наших войск с задачей ликвидировать плацдарм противника на Днестре и освободить город Рогачев. Как тогда было принято, это событие приурочивалось к 23 февраля, Дню Красной Армии, как подарок Родине к этому празднику. А так как в разведку, а тем более в тыл врага нельзя было брать с собой награды, партбилеты и другие документы, была организована сдача их в штаб и аппарат замполита, остающиеся на этой стороне.

Наград у меня не было, но свое офицерское удостоверение и кандидатскую карточку я тоже сдал. Была возможность написать короткие письма родным. Вся эта процедура в батальоне заняла несколько часов оставшегося дня. Потом был обильный обед, совмещенный с ужином, и отдых, о чем мы все время, пока были в немецком тылу, вспоминали с особым чувством.

В своих воспоминаниях «Годы и войны» генерал Горбатов писал об этой операции, называя всех нас «лыжниками» в силу существовавших долгие годы цензурных ограничений. Вот только одна цитата оттуда:

*«В 18 часов они сытно поужинали и легли отдыхать. Лишь у двух батальонов отдых был коротким. В 23 часа их подняли, и они пошли на запад. Этому сводному отряду лыжников выпала ответственная задача: перейти линию фронта и той же ночью ворваться в город Рогачев».*

На выполнение этой нелегкой, да и необычной, задачи и повел наш батальон его смелый и опытный командир, подполковник Осипов. А был он местным уроженцем, рогачевцем, да к тому же в прошлом заядлым охотником и рыболовом, исходившим вдоль и поперек всю местность, примыкавшую к Днестру. Поэтому он прекрасно знал места, где можно было незаметно приблизиться к позициям фрицев, преодолеть их заграждения и перейти линию фронта.

До сих пор я не перестаю удивляться, как нашему комбату удалось почти весь огромный по тому времени батальон провести так искусно, хотя и по хорошо знакомой ему, но занятой врагом местности. Армейским саперам, обеспечивавшим наш переход, комбат точно указал место, где они ножницами незаметно для немцев вырезали звено колючей проволоки между двумя колами. И это место недалеко от деревни Кистени оказалось столь удачно выбранным!

Безлунная ночь очень хорошо прикрывала нас. Думается, командование армии специально выбрало время действий наших батальонов в период наступления новолуния.

Хотя немцы периодически подвешивали на парашютах «фонари», как называли на фронте их осветительные ракеты, но жесткий предварительный инструктаж, армейская смекалка, да и желание выжить заставляли всех замирать, не двигаться во время свечения этих «фонарей». Ну и наши белые маскхалаты делали нас практически незаметными. Конечно же, этому способствовала и уверенность немцев в надежности своей обороны, притупившая их бдительность. Тем более что по всей длине проволочного заграждения они навешали большое количество пустых консервных банок, гремевших, если хорошо задеть проволоку.

Иногда немцы простреливали некоторые особо опасные места своими дежурными пулеметами. И я помню, например, что при преодолении прохода в проволочном заграждении почувствовал какой-то удар. Только уже днем я обнаружил, что пуля пробила мне солдатский котелок, притороченный к вещмешку («сидору», как их называли тогда). Правда, зачем мы брали с собой эти котелки, если по роду нашей боевой задачи мы не могли ими воспользоваться, мне было непонятно – на всякий случай, наверное. Но впоследствии я понял, что котелок нужен солдату всегда.

И вот в узенький проход наш умелый комбат протащил почти весь батальон, основную часть которого фактически не заметили немцы! По меткому выражению генерала Горбатова, «как канат сквозь игольное ушко».

Это было для меня, по существу, первым настоящим боевым крещением, хотя в обороне я уже кое к чему присмотрелся. Наверное, поэтому многие детали этого перехода и тем более действий в немецком тылу мне запомнились довольно прочно.

Замыкала колонну батальона рота капитана Матвиенко, который прибыл в батальон вместе со всей нашей группой офицеров в 18 человек и уже имевшего значительный боевой опыт, о чем свидетельствовали два ордена Красной Звезды. И вот кто-то из его бойцов, наверное, задел проволоку немецкого заграждения, зацепился за ее колючки и, пытаясь вырваться из их цепкой хватки, «оживил» этот консервно-баночный телеграф, что всполошило фрицев. Они открыли все нараставший по плотности ружейно-пулеметный огонь по этому участку. Теперь нужно было обнаруживать себя и нам, чтобы отвлечь внимание выскакивавших из землянок фрицев и вызвать их огонь на себя, и тем самым помочь попавшим в беду своим. Все, кто был близко, практически без чьей-либо

команды открыли огонь по немцам, а взвод огнеметчиков выпустил несколько мощных огненных струй по скоплениям немцев и по выходам из блиндажей. Впервые в моей жизни я видел горящих и безумно орущих людей! Жутковатое зрелище...

А генерал Горбатов, оказывается, все это время переживал за нас. Вот как он об этом пишет:

*«Я долго прислушивался к малейшим звукам с запада, пока на том берегу не послышалась беспорядочная стрельба, взрывы гранат. В небо взлетело множество ракет. В два часа ночи мы получили по радио условный сигнал: сводный отряд находится в тылу противника и выполняет задачу».*

Рота Матвиенко понесла ощутимые потери, но все-таки тоже прорвалась к основным силам батальона. В подразделениях же, преодолевших линию фронта раньше, потерь вовсе не было. Здесь комбат поставил моему взводу другую задачу – замыкать колонну батальона. Ведь поскольку противник обнаружил наше проникновение в свой тыл, не исключена возможность попытки преследования нас. Таким образом, взвод превращался из авангарда в арьергард. Это мне показалось более ответственным, так как теперь взводу пришлось действовать уже вдали от командования батальона, и мои решения должны стать более самостоятельными, хотя подполковника Кудряшова, моего прежнего опекуна, комбат Осипов тоже назначил старшим начальником в тыловую часть батальонной колонны. У меня возникла мысль: не поручил ли всесильный «особист» тщательное наблюдение за мной, сыном репрессированного? Мелькнувшая было мысль о каком-нибудь недоверии мне тут же была опровергнута тем, что в замыкании батальона, кроме моего взвода, был взвод ПТР под командованием Петра Загуменникова, пулеметный взвод и отделение ранцевых огнеметов. Конечно, в случае осложнения обстановки нужно было единое командование этими, хотя и не такими уж большими силами, но ни Петр Загуменников, ни тем более я не могли квалифицированно обеспечить это. Так что моя мысль о каком-то недоверии тут же погасла, хотя иногда возникала и в других схожих ситуациях.

Немцы так и не поняли, какими силами русские прошли через участок их обороны, и, может, именно поэтому в дальнейшем, столкнувшись с каким-либо нашим подразделением, фрицы в панике кричали «Рус партизанен!». И, как потом мы узнали, эта паника у них была небезосновательной: в партизанских отрядах и бригадах на территории Белоруссии действовало более 350 000 партизан, целая партизанская

республика!

А в боевых документах штаба 3-й армии по этому поводу записано следующее:

*«В 23.00 20.02.44 года сводный отряд в составе 8-го офицерского штрафбата и лыжного батальона 120-й гв сд переправился на западный берег р. Днепр против Гадиловичи, преодолел после сопротивления противника передний край и стал продвигаться на Рогачев».*

На каком участке преодолевал линию фронта наш сосед, лыжный батальон, я не знал, и во время боевых действий в тылу противника соприкосновения с лыжниками у нас не ощущалось. Видимо, или характер их задачи, или сложившаяся обстановка заставили этот батальон действовать самостоятельно.

Уже потом, когда наш необычный поход в тыл противника был завершен, в армейской газете была публикация о том, что *«этот беспримерный рейд дерзко и смело осуществили отряд Осипова и лыжный батальон Камирного».* Стало понятно, что и лыжники тоже успешно выполнили свою задачу. Наш же батальон действовал совершенно самостоятельно. После разгрома какого-то крупного немецкого штаба в дер. Мадоры (нынешнее название «Мадора»), а здесь и еще в Старом Селе бои были горячими, и подрыва нескольких рельсов на железной дороге только к рассвету 20 февраля батальон стал приближаться к Рогачеву с северо-запада, перерезав развилку шоссе на Бобруйск и Жлобин.

И только многие годы спустя из «Советской военной энциклопедии» я узнал, что лыжники были из дивизии полковника Фогеля Я.Я. Был еще и другой лыжный батальон, от 5-й стрелковой дивизии, который линию фронта перешел сутками позже и в другом месте – севернее Нового Быхова. А еще через сутки туда же в результате смелого маневра вышел один полк этой же дивизии. Соединившись, они перерезали железную дорогу Рогачев – Могилев и перехватили шоссе Рогачев – Новый Быхов. Группировка противника оказалась изолированной с севера.

Даже после этого рейда мы узнали о лыжном батальоне, действовавшем с нами, только из короткой корреспонденции в армейской газете. Кстати, это на моей памяти была первая и последняя известная мне публикация о штрафбате, хотя и замаскированная под «отряд» (может, какой-то партизанский?). Ни перед этим, ни после и до самого конца войны штрафбат никогда и нигде не упоминался. У нас ни разу не появлялись ни кинооператоры, ни фотокорреспонденты, ни представители журналистской братии, даже из дивизионных газет. Наверное, сверху было наложено «табу» на освещение действий штрафников. И, как оказалось, не только на

военное время.

Так что и после войны мы не искали, как другие, себя в хроникально-документальных фильмах о войне. А ведь наши дети, которых мы брали на просмотр таких фильмов, спрашивали, увидят ли они там нас. Мы как-то отвечали на эти вопросы. Выкручивались, не раскрывая не только им нашу «военную тайну» о службе в штрафбате.

А тогда, в феврале 1944 года, как только наш батальон вышел в район, близкий к северо-западной окраине Рогачева, комбат связался по радио со штабом армии. Вот как это событие отражено в воспоминаниях генерала Горбатова:

*«Получили весть от сводного отряда лыжников. Он дошел до Рогачева, но перед самым городом высланная вперед разведка встретилась с противником, засевшим в траншеях. Командир отряда поступил правильно: поняв, что внезапность утрачена, он не стал ввязываться в неравный бой, а отвел отряд в лес и начал действовать по тылам противника».*

Да если бы мы и попытались овладеть городом, тем более – удержать его, нам бы это не удалось. Ведь основные силы немцев не были разгромлены, а у нас ни артиллерии, ни бронетанковой техники, ни даже минометов не было! Наша минометная рота под командованием Пекура действовала в этом рейде как стрелковая. А рот пулеметной и противотанковых ружей да взвода ранцевых огнеметов в этих условиях было явно недостаточно! Ведь и в самом Рогачеве, и вблизи него у немцев было сосредоточено большое количество войск и техники.

Вскоре поступила команда «действовать», как и было предусмотрено заранее, – громить тылы, чем мы активно и занялись. Панику в стане врага нам удалось посеять большую. Батальон действовал и группами и собираясь в один довольно мощный кулак. Мелкие наши группы уничтожали технику противника. Захваченные орудия, предварительно перебив их прислугу, поворачивали в сторону заметных скоплений вражеских войск, складов и пр. Среди штрафников были артиллеристы, танкисты, даже летчики, поэтому произвести несколько выстрелов из орудий не составляло труда. Затем эти орудия и минометы взрывали или приводили в негодность другим способом. Поджигали захваченные продовольственные склады и склады боеприпасов, брали под контроль перекрестки дорог, уничтожали подходящие войсковые резервы противника и перерезали линии связи. Временно взятые в плен («временно», потому что после допросов их, естественно, не отпускали, а уничтожали) немцы говорили, что их командование считает, будто в тылу действуют откуда-то

взявшаяся дивизия, а то и две, да много партизан. Так начались наши оперативные действия в тылу. Генерал Горбатов в своих мемуарах отмечал, называя и наш штрафбат лыжниками:

*«Лыжники перекрыли все дороги, идущие от Рогачева на Мадору и Быхов, в том числе и железную дорогу, тем самым лишив фашистов путей отхода и подтягивания резервов».*

Так оценил наши общие (с батальоном Камирного) действия командарм Горбатов.

Одним из эпизодов наших боевых действий было и освобождение угоняемых в рабство жителей Белоруссии. Кажется, на вторые сутки, ближе к полудню, наши передовые подразделения заметили, что по дороге на запад немцы конвоируют большую группу мужчин и женщин с целью угона в Германию (мы уже знали о массовых угонах трудоспособного населения в рабство). Комбат принял решение отбить у немцев своих земляков (наш командир, как уже упоминалось ранее, был родом из этих мест). Немецкий конвой был сравнительно малочисленным – человек 15, и буквально в минуты с ним было покончено. Мы освободили также около 300 советских граждан, которых гитлеровцы под дулами автоматов заставляли рыть в промерзшей земле траншеи. По нашей команде все освобожденные бросились врассыпную, чтобы скрыться в лесу или уйти по своим деревьям.

Однако как командир взвода, находящегося в арьергарде, то есть в тыловом охранении нашей большой колонны, я заметил, что группа из пяти-шести женщин неотступно следует за нами. Конечно же, по своей одежде эта группа уж очень заметно отличалась от нас, одетых в белые маскхалаты, и, безусловно, могла нас демаскировать. Мне пришлось не раз им это растолковывать, но, увы, всегда безуспешно. До самых сумерек они так и шли за нами. Боялись, видно, снова попасть в лапы к немцам. С наступлением темноты я снова им разъяснил, что теперь они могут под покровом ночи отстать от нас и незаметно возвратиться в свои села. Показалось, что, наконец, моя «разъяснительная работа» подействовала на них.

Едва забрезжил рассвет, мне доложили, что за нами движется какая-то странная группа людей. Подумалось, не сели ли «на хвост» немцы? Присмотревшись, мы с удивлением узнали своих «старых знакомых», но, странное дело, одетых в какое-то подобие маскхалатов. Оказалось, что, воспользовавшись темнотой, они в мороз, раздевшись донага, сняли свое нижнее белье, а затем, одевшись в свои немудреные зипуны и шубейки, поверх них натянули свое исподнее, а часть полушубков, имеющих внутри



белый или просто светлый мех, вывернули наизнанку и вот в таком «замаскированном» виде предстали перед нами. И жалко было их, и нельзя было удержаться от смеха! Пришлось смириться с их находчивостью и позволить следовать за нами еще какое-то время. Вскоре было обнаружено движение в сторону Рогачева большой автоколонны немцев. Завязался бой, и это женское «отделение» как ветром сдуло!

Надо сказать, что колонна нашего батальона была построена так, что и в ее голове, и в основном составе, и в хвосте следовали и пулеметчики, и подразделения противотанковых ружей (ПТР), и огнеметчики. Последние были вооружены малознакомыми нам «РОКСами» – ранцевыми огнеметами с жидкостью «КС», самовоспламеняющейся в соприкосновении с воздухом. Почему-то теперь, через много лет, эту жидкость, самовоспламеняющуюся на воздухе, называют «коктейль Молотова», тогда мы и понятия не имели о таком названии.

Когда была замечена немецкая автоколонна, батальон замер и, как только передние машины поравнялись с нашими замыкающими подразделениями, по фашистам был открыт шквальный огонь из всех видов имевшегося у нас оружия.

В хвосте нашей колонны, как я уже говорил, находился взвод ПТР под командованием 19-летнего, но уже имевшего солидный боевой опыт и ранение старшего лейтенанта Петра Загуменникова, с которым я успел подружиться. Его бойцы сумели подбить два передних автомобиля, возглавлявших немецкую автоколонну. И вся эта немалая вереница машин оказалась запертой с обеих сторон на узкой дороге, ограниченной с обочин глубоким, рыхлым снегом, так как и замыкающие автоколонну машины тоже уже были подбиты бронебойщиками, находившимися в голове колонны батальона. Попав под плотный огонь, успевшие выпрыгнуть из кузовов автомашин фрицы в панике бросились в разные стороны. Кто-то из них, обезумев, кинулся даже в нашу сторону, навстречу свинцовому вихрю, извергающемуся пулеметчиками и автоматчиками батальона. Однако один из немецких солдат, бросив оружие и подняв руки, вдруг закричал по-русски: «Не стреляйте, я свой, русский, из Калуги!».

Я дал команду подпустить его, хотелось узнать, как это русский оказался у немцев с оружием в руках. Но едва он поравнялся со мной и успел сказать, что год назад попал в плен и добровольно пошел в гитлеровскую армию, чтобы при первом удобном случае перейти к своим, как один из ближних ко мне штрафников резко выругался в его адрес и разрядил в него, наверное, полдиска автомата. Не состоялась моя беседа. Да и жалеть об этом было некогда. Не до того было. А одного из убежавших

немцев, ловко метавшегося от дерева к дереву, я никак не мог достать огнем из автомата. Наверное, потому, что в запале стрелял «с бедра», не целясь. И тогда, выхватив из кобуры свой наган, тщательно прицелился и с первого выстрела на расстоянии уже около ста метров все-таки уложил его! Это был мой первый личный «трофей» и усилившаяся надолго вера в действенность своего верного «нагана» не только в ближнем бою, как считалось по всем инструкциям и наставлениям.

И вот этот мой первый «трофей», которого я, кажется, наконец, уложил из личного оружия, вызвал во мне какое-то необъяснимое, скорее, даже радостное удовлетворение. А ведь я убил человека сам, собственноручно! Впервые в своей жизни, сознательно, умышленно.

Тут вспомнилось мне событие, которое произошло еще во время моего командования взводом в запасном полку под Уфой всего каких-нибудь полгода тому назад. Там мы готовили для фронта так называемые маршевые роты. Пополнение для них тогда приходило, в частности, из Чувашии, Мордовии, Татарии, Башкирии и некоторых союзных мусульманских республик. Случались и дезертирства. И вот однажды я был свидетелем, когда пойманного дезертира, приговоренного к высшей мере наказания, расстреляли перед строем полка.

На краю поля, где мы обычно проводили занятия с пополнением, к свежевырытой яме подвели человека в легкой гражданской одежде (было лето, июль). Видимо, увидев свою могилу, он как-то безвольно сам опустился на колени, опустил голову и как-то тихо, мелко дрожал. Запомнилось все это мне, потому что я со своим взводом оказался напротив места экзекуции. И прежде всего бросились в глаза и его наголо стриженная голова, и большие, оттопыренные уши, красно просвечивающие на склоняющемся уже к заходу солнце.

Офицер, наверное, из Военного трибунала, зачитал приговор о смертной казни за повторное дезертирство и предложил выйти из строя добровольцам для приведения приговора в исполнение. Ответом была жуткая тишина... Добровольцев не нашлось. Тогда от группы, стоявшей несколько в стороне, отделились два человека с погонями сержантов с наганами в руках и подошли к приговоренному, который стал трястись, то ли тихо рыдать, то ли так крупно дрожать.

Будто по неслышимой команде эти двое одновременно выстрелили ему почти в упор в голову. Тот будто клюнул и свалился в яму. Полк замер. Где-то из строя прорывались не то стоны, не то сдавленные рыдания. И пока солдаты не зарыли яму и не укрыли образовавшийся холмик заранее заготовленным дерном, полк стоял в каком-то страшном оцепенении.

Наверное, многих посетила в это время мысль, что лучше погибнуть на поле боя, пусть и не как герой, то как защитник своей Родины, чем вот так, как бешеный пес, бесславно окончить жизнь, опозорив не одно колено своих потомков или родных.

Мне бросился в глаза невдалеке еще один такой же, только пониже, холмик, уже хорошо поросший травой, видимо, здесь, на этом своеобразном «лобном месте», свершилась не первая смертная казнь. Стало как-то мерзко на душе. Ведь только что убили просто малодушного, струсившего человека. Своего, советского.

А здесь, на войне, я сам убил человека, но это был враг, посягнувший на жизнь и свободу советских людей, враг, несущий смерть советским людям, включая даже стариков и грудных детей. И здесь уже действует правило: «лучший враг – мертвый враг». Немцев, пытавшихся сдаться в плен и кричавших «Гитлер капут!», штрафники, конечно, в плен не брали, стреляли в них, приговаривая: «И тебе... такую-растакую, тоже!» Да и что бы мы с ними делали, проявив к ним гуманность в этих специфических условиях?

Вместо запланированных двух-трех суток наш рейд продолжался целых пять. За это время были разбиты еще несколько вражеских пеших и гужевых колонн, двигавшихся к линии фронта, подорваны несколько мостов на дороге, подходящей к Рогачеву с запада, а в одну из ночей разгромили штаб какой-то немецкой дивизии, возглавляемый генералом. Два охранявшихся склада с боеприпасами были подожжены «РОКСами», и еще долго эхо взрывов доносилось до нас.

В общем, батальон действовал настолько активно, что практически уже к концу третьего дня были израсходованы почти все боеприпасы к пулеметам и автоматам. Поступил приказ: на каждый автомат оставить НЗ (неприкосновенный запас) по 10–20 патронов, но у многих этого количества уже не было!

О ходе наших действий комбат докладывал в штаб армии по радио. Доложил он и о почти полном расходе боеприпасов к стрелковому оружию. Там, видимо, решили сбросить нам на парашютах какое-то количество патронов. И когда во второй половине дня два «кукурузника», как называли тогда маленькие двукрылые «У-2» («ПО-2»), подлетали к указанному квадрату, вдруг заговорили немецкие зенитные установки. К нашему удивлению, оказалось, что ночью ни мы, ни немцы не заметили того, что батальон наш очутился в том участке леса, который был избран фашистами для размещения одной из их зенитных батарей. Летчики, правильно оценив ситуацию, быстро развернулись и улетели. А нашим

огнеметчикам удалось выйти на звуки выстрелов и буквально испепелить и пушки, и обслугу. Кстати, выручили они нас еще раз, когда уже в конце четвертого дня была замечена большая пешая колонна противника. Огнеметы практически уничтожили и эту колонну даже почти без наших пулеметов и автоматов.

Технику, которую бросали фрицы, мы, конечно, не могли тащить с собой. Брали только автоматы-«шмайссеры» да ручные пулеметы «МГ». Ну и, конечно, пистолеты, в большинстве «вальтеры» и «парабеллумы». Так что у многих уже было по два автомата – свой и трофейный, хотя и тот и другой с весьма малым запасом патронов. Остальные трофеи, как могли, приводили в негодность, а захваченным продовольствием пополняли свой скудный сухой паек, которого почти не осталось. Особенно удивил нас трофейный хлеб, запечатанный в прозрачную пленку с обозначенным годом изготовления: 1937–1938. Сколько лет хранился, а можно было даже мороженный резать и есть! Не сравнить с нашими сухарями, хотя и сегодня, спустя более 60 лет, их вкус вспоминается с определенной степенью ностальгии. Такое же удивление вызывал у нас какой-то гибрид эрзац-меда с таким же сливочным маслом в больших брикетах. Бутерброды из этого «хлеба» с таким «маслом» были как нельзя кстати и оказались довольно сытными.

Много было непредвиденного и неожиданного, но потерь у нас после Мадоры и Старого Села почти не было. На волокушах везли тяжело раненных да несколько убитых, среди которых был командир взвода 3-й роты лейтенант Бадрий и парторг батальона старший лейтенант Желтов Александр Матвеевич, погибший во время преследования убегавшей группы немцев из той большой автоколонны.

Это был отличный мужик и редкой душевности политработник и просто человек. Такие, к сожалению, в моей длинной армейской службе и в войну, и в послевоенное время встречались не так уж часто. Когда я потом пытался описать в стихах эту часть боевого пути нашего штрафбата, ему, этому храброму парторгу, были посвящены такие немудреные строки:

Вспомним мы Днепр, Рогачев и Мадоры,  
Смертью героя погиб здесь Желтов.  
Дорого подлая, мерзкая свора  
Нам заплатила за смерть и за кровь.

Всего теперь и не вспомнить, но достаточно сказать, что за все эти 5 дней и ночей мы не могли нигде обогреться, разве только кое-кому это удавалось накоротке у горящих штабов и складов, подорванных или подожженных. Но какой это был «обогрев», если нужно было немедленно уходить, чтобы не навлечь на себя ответной реакции фрицев. Спать приходилось тоже урывками и только тогда, когда ночью на какое-то время батальон приостанавливал движение. Многие умудрялись спать на ходу, что мне было знакомо еще по службе красноармейцем-разведчиком и по военному училищу в Комсомольске-на-Амуре. О горячей пище даже и не мечталось.

На пятые сутки комбат передал приказ без крайней необходимости бои не завязывать, беречь патроны.

А мы еще не знали, что войска нашей 3-й армии давно перешли в наступление и стали продвигаться вперед. В этих условиях нам приходилось маскироваться, чтобы отступающие в массовом порядке немецкие части не обнаружили нас, почти безоружных.

В один из таких моментов невдалеке затрещали пулеметы, стали слышны выстрелы из пушек. Один из штрафников, наверное, в прошлом артиллерист, закричал оказавшемуся в это время поблизости заместителю комбата подполковнику Александру Ивановичу Кудряшову: «Товарищ подполковник! Это же сорокапятка бьет! Наверное, уже наши наступают!»

Подполковник решил проверить предположение штрафника, послал его и еще одного бойца моего взвода в качестве то ли разведчиков, то ли парламентаров. Они очень осторожно стали продвигаться в сторону стрельбы. Время, казалось, остановилось. Тогда нам уже было известно и о власовцах, и о бульбовцах (бульбовцы в Белоруссии – это почти то же, что бандеровцы на Украине, только в значительно меньших масштабах). Были опасения, что вдруг напоремся на них, а патронов-то у нас нет! И вот мы видим вскоре, что наших парламентаров ведут по направлению к нам не власовцы или бульбовцы, а несколько советских офицеров и красноармейцев! Вероятно, они тоже было заподозрили нас в причастности к тем же предательским войскам. Но все вскоре прояснилось, и радости нашей не было предела! Все вскочили и бросились к ним, к нашим, к своим.

Горячие объятия закончились. Командование батальона поговорило с офицерами встретившихся нам подразделений. Вскоре и нас ввели в курс боевой обстановки. Наша 3-я армия и сосед ее, 50-я армия, все-таки прорвали оборону немцев (правда, несколько позже намеченного срока) и в ночь с 23 на 24 февраля штурмом овладели Рогачевом. Как стало потом

известно, 3-я армия очистила тогда от противника плацдарм на левом берегу Днепра шириной по фронту 45 километров и в глубину до 12. При этом, как указано в книге генерала Горбатова, армия потеряла всего несколько человек ранеными, которые подорвались на минах. Вот как о своей позиции пишет сам генерал:

*«Я всегда предпочитал активные действия, но избегал безрезультатных потерь людей. Вот почему при каждом захвате плацдарма мы старались полностью использовать внезапность; я всегда лично следил за ходом боя и когда видел, что наступление не сулит успеха, не кричал «Давай, давай!», а приказывал переходить к обороне».*

Так случилось, что только из мемуаров Горбатова я узнал эти подробности. А нам еще не было известно, что 24 февраля 1944 года Москва салютовала войскам армии в честь освобождения Рогачева из-под ига оккупантов. Не знали мы тогда и о том, что был образован 2-й Белорусский фронт. В него вошла часть войск 1-го Белорусского. А 33-й ОШБ, организованный в конце 1943 года под Жлобином, как оказалось, не был передан вновь образованному 2-му БФ, а расформирован, так как оставшаяся часть его была передана 2 марта в наш ОШБ. Мы были очень рады тому, что наш штрафбат остался у прославленного генерала Рокоссовского, вскоре ставшего маршалом Советского Союза.

Тем более что еще свежо было в памяти многих следующее событие. Сразу же после тяжелых боев под Жлобином, когда батальон понес большие потери и в переменном и в командном составе, буквально за день до моего появления в штрафбате, в окопах батальона побывал сам Рокоссовский, командующий фронтом. Сколько было впечатлений у тех, кому посчастливилось поговорить с ним! Буквально все восторгались его манерой разговаривать спокойно и доброжелательно и со штрафниками, и с их командирами. Мне оставалось только сожалеть, что я не был свидетелем этого.

Закончился этот действительно беспримерный рейд батальона штрафников в тыл противника. И никаких заградотрядов, о чем многие хулители нашей военной истории говорят и пишут, не было. Интересно, как они представляли бы заградотряд, понуждающий штрафников действовать там, за линией фронта? Зато была вера в то, что эти бывшие офицеры, хотя и провинившиеся в чем-то перед Родиной, остались честными советскими людьми и готовы своей отвагой и героизмом искупить свою вину, которую, надо сказать, в большинстве своем они сознавали или против которой, скрепя сердце, не возражали. Особенно те, которые бежали из вражеского плена. Правда, один бывший штрафник нашего батальона, тоже

побывавший в фашистском плену, Лев Бродский, после войны эмигрировавший в США, в интервью нью-йоркской газете «Еврейское Слово», сделал «открытие». Он заявил, что во время того самого рейда нашего штрафбата во вражеский тыл, в котором довелось участвовать и ему самому в качестве ординарца начштаба батальона майора Носача, *«штрафниками командовали сами штрафники, а не штатные офицеры»*. Ну, это или большое воображение, или чей-то злобный политзаказ. А где тогда могли быть, по его мнению, те самые штатные командиры штрафников?

Кстати, в документе штаба 3-й армии **«Описание боевых действий 3-й армии в Рогачевской операции в период с 21 по 25 февраля 1944 г.»** говорится:

*«Опыт применения специально выделенных отрядов для действия в тылу противника во время наступления, чрезвычайно поучителен... Отряд в составе 8 офицерского штрафного батальона и лыжбата 120 Гв. сд имел задачу проникнуть через передний край противника и совершить налет на Рогачев, где взорвать мост через р. Днепр и удерживать этот пункт до подхода своих частей. Хотя задача по захвату Рогачев и не была выполнена, однако наличие в тылу у противника наших боевых подразделений, до некоторой степени сковало работу по подвозу, эвакуации и подброске резервов, и в общем, содействовало успеху операции» (орфография подлинника)*

Там же в разделе 4 «Выводы по действиям родов войск» сказано следующее:

*а) Пехота: В штурме неприступного Днепровского берега русская пехота лишний раз показала присущие ей блестящие качества. Упорство, смелость и ярость, с какой она штурмовала отвесные обрывы под огнем противника, воскрешают в памяти героические примеры Измаила и Плевны. Лишний раз подтвердилось, что при ясном понимании своей задачи и хорошем руководстве со стороны офицерского состава наша пехота способна творить чудеса».*

Вскоре после завершения боевых действий по освобождению Рогачева нам пришлось участвовать и в выполнении других задач, полученных от командарма-3 генерала Горбатова, где в полной мере подтвердились слова этого документа о чудесах, которые творит пехота, особенно офицерская, да еще и штрафная.

Но об этом в следующей главе.

## Глава 4

*Реабилитация искупивших вину. Награды. План по захвату плацдарма на реке Друть. Ледяная купель. «Диетическая погода». Знаменитая палка Горбатова. Обучение пехотному бою. Белорусские вечера.*

По окончании боевых действий во вражеском тылу под Рогачевом нас сразу же разместили в хатах нескольких близлежащих деревень. Измученные, смертельно уставшие, многие, не дождавшись подхода ротных кухонь с горячей пищей, засыпали на ходу прямо перед хатами.

К великому огорчению, нас уже здесь настигла потеря нескольких человек. На теплой печи в одной хате разместились 3 штрафника, заснули, не успев снять с себя все боевое вооружение. У одного из них, видимо, на ремне была зацеплена граната «Ф-1» – «лимонка» или «РГ-42», и потому, наверное, что он, повернувшись во сне, сорвал с ремня гранату, она взорвалась. Только одного из этих троих удалось отправить в медпункт, а двое погибли. Вынести такую нагрузку, такие испытания и погибнуть уже после боя, накануне полного своего освобождения...

За успешное выполнение боевой задачи, как и обещал командующий армией, весь переменный состав (штрафники) был, как сказали бы теперь, реабилитирован и отчислен из батальона. По документам ЦАМО РФ:

*«...только до 1 марта было досрочно, за боевые заслуги освобождено от дальнейшего пребывания в штрафбате и отчислено из него с восстановлением во всех правах 260 человек, по отбытии срока наказания 3 человека. К тому времени уже были оформлены все документы еще на 147 досрочно освобождаемых, на 48 полностью отбывших сроки наказания и на 27 по ранению».*

Все они находились в ожидании приказа командующего фронтом, которым и приводилось в действие само освобождение. Многим уже были вручены боевые награды: ордена Славы III степени, медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». Это были герои, из подвигов которых «вычитали» числящуюся за ними вину, но и после этого хватало этих подвигов еще и на награды. Надо сказать, что штрафники не очень радовались ордену Славы. Дело в том, что это был по статуту солдатский орден, и офицерам он вообще не полагался (кроме младших лейтенантов авиации). И, конечно, многим хотелось скрыть свое пребывание в ШБ в качестве рядовых, так как



это считалось пятном на офицерской репутации, а такой орден был свидетельством этого.

Командный состав батальона в основе своей был награжден орденами. Мой друг Петя Загуменников получил орден Отечественной войны II степени. Бывший тогда командиром комендантского взвода, охранявшего штаб батальона, Филипп Киселев (к концу войны он уже стал подполковником, начальником штаба батальона) был награжден второй медалью «За отвагу». Кстати сказать, в командирской среде батальона медаль «За отвагу» расценивалась как высокая награда, не менее весомая, чем солдатский орден Славы. Командиры рот Матвиенко и Пекур получили ордена Красного Знамени, а этот орден считался одним из главных боевых орденов. Сам комбат получил орден Кутузова 3-й степени. В приказе Верховного Главнокомандующего в честь освобождения Рогачева была объявлена благодарность большому числу частей и соединений, принимавших участие в этих боях. А наш штрафбат, конечно, даже не был упомянут среди них, хотя, например, 141-я рота огнеметчиков, один взвод которой, всего 20 бойцов, действовал с нами, в приказ вошла. Конечно же, она не штрафная! А наш штрафбат, 800 офицеров, будто и не присутствовал при этом. Такое действовало незыблемое правило всю войну.

А я и еще несколько офицеров в этот раз были обойдены наградами. Наверное, мы еще недостаточно проявили себя. Хотя мне на какое-то время вновь пришла мысль о несуществующей моей вине за репрессированного отца. Надо сказать, что к тому времени стало известно, что брат мой Виктор пропал без вести где-то под Сталинградом в конце 1942 года. И не попал ли он в плен, не числится ли он в «предателях», как многие бывшие военнопленные, оказавшиеся в нашем штрафбате? Это были тяжелые раздумья. Да и что я мог поставить себе в заслугу, достойную правительственной награды? Вот Петя Загуменников: его подчиненные столько немецких автомобилей сожгли! Да и не я один оказался без награды. Муська Гольдштейн, например – тоже. Зато вскоре приказом командующего фронтом генерала Рокоссовского мне было присвоено звание «старший лейтенант». Это я и воспринял как награду.

В деле награждения многое, если не все, зависело от командования. Вот генерал Горбатов освободил всех штрафников, участвовавших в боевой операции во вражеском тылу, независимо от того, искупили кровью они свою вину или не были ранены, а просто честно и смело воевали.

Я об этом говорю здесь потому, что были другие командующие армиями, в составе которых батальону приходилось выполнять разные по

сложности и опасности боевые задачи. Однако реакция многих из них на награждение весьма отличалась от горбатовской. Так, командующий 65-й армией генерал Батов Павел Иванович, как оказалось в дальнейшем, при любом успешном действии батальона или его подразделений принимал решение об освобождении от вины только тех штрафников, которые погибали или по ранению выходили из строя.

Пришел уже в Польше к нам комбатом вместо Аркадия Александровича Осипова подполковник Батулин. Имени его моя память почему-то не смогла восстановить все послевоенные годы. И только по материалам ЦАМО РФ я узнал, что его имя Николай Никитич. Вот он уж очень скупое представлял к наградам командиров рот и взводов и при этом, казалось, выжидал, каким орденом наградят его лично, чтобы, не дай бог, кого-нибудь не представить к более высокой награде. Надо, однако, уточнить, что при Батулине в бой уходили отдельными ротами, передаваемыми в оперативное или тактическое подчинение войсковым соединениям, и комбат боем не руководил, зато по праву комбата «издалека» оценивал действия тех, кто непосредственно участвовал в боях.

Возвращаясь ко времени написания нами боевых характеристик на штрафников, скажу, что эти документы после подписи командиров рот сдавались в штаб батальона. Там уже составляли списки подлежащих освобождению. Путь этих бумаг лежал дальше на осужденных – через штаб армии в армейский или фронтовой трибунал, а на направленных в штрафбат по приказам начальников или на «окруженцев» – непосредственно в штаб фронта. Приказы о восстановлении в офицерском звании и отчислении из штрафбата подписывались, как уже говорилось ранее, лично командующим фронтом и членом Военного совета. Отдельно составлялись в штабе батальона наградные листы и на штрафников, и на штатных офицеров. Эти наградные документы направлялись, как правило, командующим армиями, в составе которых на этом этапе боевых действий находился батальон. Так что и награждение тех и других зависело тоже от командармов, которым было предоставлено такое право на время боевых действий.

Пока этот бюрократический процесс шел (едва ли его можно было ускорить!), батальон снова передислоцировался в село Майское Жлобинского района и близлежащие села, из которых он уходил в тыл врага. Население встречало нас очень тепло. Главным угощением в белорусских хатах была бульба (картошка) с разного рода соленьями и самогон из той же бульбы.

С радостью встречали местные девчата и одинокие женщины

вернувшихся живыми и здоровыми штрафников и их командиров. Ведь наши бойцы-переменники, как официально они у нас назывались, были хоть и временно разжалованными, но все-таки офицерами, грамотными и с достаточно высоким уровнем культуры. Кстати, их и не стригли наголо, а сохраняли нормальные офицерские прически, а некоторые, особенно из боевых или тыловых офицеров, даже продолжали «щеголять» офицерским обмундированием, только без погон. Погоны не надевали даже те штрафники, которые назначались на должности командиров отделений или замкомвзводов, и им, согласно положению, приказом по батальону присваивались сержантские звания. В основе своей наши бойцы оставляли по себе добрые впечатления у всех слоев населения. Надо еще помнить, что в народе испокон веку жалеют обиженных властью. А именно такими они были в глазах женщин и девиц, этой основы населения прифронтовых деревень. Ну а командный состав батальона, в большинстве своем офицеры в возрасте 20–25 лет, конечно, тоже пользовался большим успехом.

В этом селе оставались наши тылы, вооружение и боеприпасы, склады, штабные документы, а также отправленные сюда партбилеты и награды офицеров, командовавших штрафниками. Оставалось там и некоторое число штрафников для охраны всего этого. А к ним, за время нашей «командировки» в немецкий тыл, добавилось немало новых приговоренных к пребыванию в штрафном батальоне или направленных сюда по приказам командиров дивизий и выше. И, конечно, приходили и не совсем честные тыловые офицеры – за другие прегрешения. Так как шло освобождение ранее оккупированной территории, рос и контингент штрафников из числа «окруженцев», оказавшихся в свое время там, или бежавших из фашистского плена. Ну и боевая обстановка на фронте, некоторые неудачи, предшествовавшие наступлению, увеличили, наверное, число направленных за невыполнение задач боевых командиров. Это, в частности, косвенно подтверждается и материалами справочников по истории войны. Например:

*«Войска Белорусского фронта к концу февраля 1944 г. овладели Мозырем, Калинковичами, Рогачевом, форсировали Днепр и захватили плацдарм на его противоположном берегу. Занять Бобруйск и развернуть наступление на Минск, как это от них требовалось, они оказались не в состоянии»<sup>[3]</sup>.*

Во всяком случае, на место подлежащих освобождению от наказания уже прибыло пополнение для формирования новых подразделений штрафбата. И даже еще не началась длившаяся затем несколько дней

реабилитация отвоёвавшихся штрафников, а уже были сформированы две новые роты.

Процедура такой массовой реабилитации, впервые проводимой в нашем ОШБ, заключалась в том, что в батальон прибыли несколько групп представителей и от армейских (фронтовых) трибуналов, и от штаба фронта. Они рассматривали в присутствии командиров взводов или рот наши же характеристики, принимали решения о снятии судимости с осужденных, восстановлении в воинских званиях. Затем, буквально через несколько дней, поступал приказ командующего фронтом, по которому эти предварительные решения, отдельно по каждому бойцу, вступали в законную силу. Мы просто не переставали удивляться, как это удавалось так оперативно штабу фронта решать эту огромного объема и не менее значимой морально-политической важности задачу. Наверное, командующий фронтом понимал, как ждут его решения бывшие штрафники, считающие не дни даже, а минуты, когда смогут снова надеть офицерские погоны и вернуться в офицерский строй.

Наряду с этим представители старших штабов выносили постановления о возвращении наград и выдавали соответствующие документы. После всего этого восстановленных во всех правах офицеров направляли, как правило, в их же части, а бывших «окруженцев» – в полк резерва офицерского состава, из которого, кстати, недавно прибыл и я со своими, теперь уже боевыми товарищами.

Часть штрафников-«окруженцев» имела еще старые воинские звания, например «военинженер» или «техник-интендант» разного ранга. Тогда им присваивались новые офицерские звания, правда, в основном на ступень или две ниже. Такое же правило применялось часто и в войсках при переаттестации на новые звания.

К сожалению, в процедуре «очищения» их от вины перед Родиной мне в этот раз довелось участвовать недолго, так как во вновь сформированных двух ротах места командиров взводов пришлось срочно занять мне и другим офицерам, только что вернувшимся из Рогачевского рейда. Наверное, я оказался здесь, скорее, как имеющий фактически только одно настоящее боевое крещение и не получивший еще достаточно боевого опыта. Были у меня и другие мысли, но я их гнал, как не имеющие достаточных оснований.

Вот этим двум ротам дали задание уже 25 февраля захватить у немцев плацдарм на реке Друть, впадающей в Днепр непосредственно у Рогачева. Для этого нужно было ночью скрытно преодолеть по льду эту реку, без артподготовки и криков «ура!» совершенно внезапно атаковать противника

в направлении деревни (не помню ее названия), выбить немцев из первой траншеи и, развивая наступление, обеспечить ввод в бой других армейских частей с захваченного плацдарма.

*«На реке Друть, – как отмечал генерал Горбатов, – особенно сильной была первая полоса обороны немцев глубиной 6–7 км, с тремя позициями... Ширина реки кое-где до 60 метров, глубина 3,5 метра. Заболоченная, слабопромерзающая долина до полутора километров».*

Ночь была почти безлунной и пасмурной. Но немцы, видимо, не ожидая нашего наступления или по какой-то другой причине, вовсе не применяли здесь своих осветительных «фонарей». В отличие от днепровского льда на этой реке лед был изрядно продырявлен, и потому приходилось, почти в кромешной темноте, нащупывать его ногами, чтобы не угодить в полыньи, пробитые снарядами и минами. Может, это состояние льда так успокоило немцев, что они и не освещали ближайшие подступы к своим траншеям. Хотя минометный огонь по льду они изредка вели и теперь.

Однако, как назло, мне довелось именно здесь принять ледяную купель. Ведь угораздило же меня провалиться на побитом, но успевшем слегка спаяться на морозе льду. Ухнул туда я сразу, и мои попытки выбраться из этой «проруби» были долго безуспешными, потому что тот лед, за который я хватался, состоял из мелких, едва схваченных ночным морозом ледяных осколков и легко крошился в моих руках. А течение все больше тянуло набухшие водой ватные брюки и телогрейку, отчего моя естественная плавучесть с каждой секундой катастрофически уменьшалась.

Тут надо бы вспомнить русскую поговорку «все, что ни делается, – к лучшему». Когда мы в срочном порядке готовились к выполнению этой задачи, была команда выдать всем валенки. Незнакомый мне старшина, занимавшийся этой процедурой, когда всему взводу валенки были выданы, вдруг заявил, что они кончились. Ну, мне всегда «везет», на мне всю жизнь что-нибудь кончается, даже дефицитные сигареты после войны или билеты на поезд. Вот и валенки на мне закончились. Ладно, хоть бойцам всем досталось. Ждать, когда старшина принесет со склада, не было времени, и я увел свой взвод на назначенное место.

Здесь же, в этой полынье, я поблагодарил судьбу, что на мне не валенки, а сапоги. Валенки бы быстро набухли водой, и еще сильнее тянули бы ко дну или вовсе могли сползти, и я бы остался босоногим. А если прибавить к этому, что плавать я вовсе не умел, то, переиначивая слова славного русского поэта Сергея Есенина, можно было сказать:

«Стыдно мне, что я раньше не плавал, горько мне – не умею теперь!» Понятно, что неизбежным следствием всех этих драматических обстоятельств могло быть только полное окончание моей фронтовой, и не только фронтовой, жизни.

Этот мой недостаток часто отражался и в моих послевоенных аттестациях, где указывалось на мое «недостаточное физическое развитие», хотя я неплохо ходил на лыжах, бегал кроссы, прыгал в длину, в высоту, отлично стрелял.

Спасло тогда меня то, что поблизости постоянно шел штрафник-ординарец, которого я выбрал в срочном порядке во время получения валенок. Срочность, с которой мне подчинили взвод, не дала возможности тогда узнать, а тем более запомнить фамилию или даже имя этого бойца. Уже потом я узнал это, но запомнил только имя его – Женя. Наверное, потому, что из-за его молодости все именно так к нему обращались. Увидев, а скорее, услышав мое барахтанье в воде и безуспешные попытки выбраться из ледяного крошева, он, оставаясь на твердом льду, догадался лечь и как можно ближе подползти на край этой злосчастной полыньи. За мушку протянутого им автомата, к которой мне с трудом удалось дотянуться, я и уцепился. Он медленно потянул меня к краю проруби, которая едва не стала моей могилой. Наконец, обламывая непрочные ее края, мне с помощью моего спасителя удалось выбраться на твердый лед. Всю остальную часть пути по реке мы преодолевали уже ползком, чтобы не повторить случившегося. Да, оказывается, и не мы одни.

Командир роты капитан Сыроватский тем временем ждал, когда рота подтянется. И когда мы с ординарцем еще не выбрались на твердый грунт, немцы открыли огонь. Видимо, сосредоточение роты у крутого, как оказалось, многометровой высоты берега Друти не прошло незамеченным для противника. А может, наши уже начали атаковать его передний край.

Перестрелка все более усиливалась, и вот уже вместе с разрывами гранат стали слышны крики, среди которых заметно выделялись весьма крепкие русские выражения. Это наши, нагрянув на противника как снег на голову, завязали бой, и, наверное, только достигнутая внезапность избавила их от больших боевых потерь. Мы с ординарцем и еще человек 5–6 таких же неудачников, испробовавших неласковую воду Друти, добрались до этого крутого и, как оказалось, обледеневшего ската перед передней фрицевской траншеей. Удивились, как это нашим удалось так быстро без специальной обуви, а в обычных валенках преодолеть его, так как немцы специально поливали его водой и превратили в почти недоступную ледяную горку. Мы преодолели ее с помощью штыков и саперных лопаток,

временами съезжая с нее вниз, почти как суворовские солдаты при переходе через Альпы. И нам уже не удалось участвовать в захвате первой траншеи немцев, мы добрались до нее, когда бой шел за вторую.

Как отмечал генерал Горбатов, немецкая оборона на реке Друть была мощной. Были там и доты с металлическими колпаками, и плотные минные поля, и проволока в три кола. Но на нашем участке минного поля не оказалось, а проволочные заграждения были слабыми. Может быть, это потому, что противник понадеялся на казавшуюся ему недоступность этого крутого склона, превращенного в ледяную горку. Но то, что для нашей атаки было выбрано одно из слабых звеньев обороны немцев, было еще одним свидетельством того, что командарм Горбатов в любой ситуации стремился избежать неоправданных потерь. Да и разведка у него хорошо поработала, сумела обнаружить наименее укрепленный участок немецкой обороны.

Мы с ординарцем и несколько других бойцов, разделивших с нами зимнее «купание», достигли траншеи, когда она уже была очищена от живых фрицев (трупов было много и в самой траншее, и за ней). Штрафники преследовали убегающих немецких солдат и в результате захватили плацдарм на участке Маньки – Коноплицы. Я, промокнувший до нитки и продрогший, как говорится, до самых костей, пытался догнать свой взвод и согреться хотя бы энергичными движениями, но тщетно. Добравшись до второй, тоже уже захваченной траншеи, я увидел командира роты, который приказал мне остаться здесь и собирать всех «утопленников» и ждать его распоряжений. А я не на шутку начинал понемногу замерзать. Почему-то вспомнилась песня о ямщике, который замерзал в степи. Конечно, я не в такой степени окоченел, меня немного выручала трубка, которую я курил уже довольно давно, еще до фронта. Она была массивной, солидной вместительности, с классически изогнутым чубуком и долго хранила тепло. Мой табак размок, и мне доброжелательно предлагали свой сосед по окопу, оставленные во втором эшелоне. Трубка эта хорошо грела руки, но остальные части тела от довольно крепкого, державшегося всю ночь и целый день мороза стали терять подвижность. Мои пропитавшиеся водой ватные брюки и такая же телогрейка постепенно превращались в ледяной панцирь. Ноги и руки мои кроме пальцев, гревшихся от трубки, уже практически потеряли подвижность, только голова еще вертелась на шее довольно свободно. Сапоги мои скоро стали ледяными колодками, и я опасался, как бы ноги не обморозились похуже, чем палец во время долгого зимнего похода в училище. Командир роты Михаил Сыроватский, видя, что толку от меня немного, приказал

двоим легко раненым штрафникам доставить меня в медпункт батальона. Они и поволокли меня, как ледяную колоду, снова через Друть, назад. В батальонном медпункте, который размещался в палатке с печкой, орудовал наш доктор – Степан Петрович Бузун, небольшого роста, со старомодной бородкой. Его, наверное, никто, даже штрафники, не называл по воинскому званию. Он и его помощник, лейтенант Ваня Деменков, разрезали саперными ножницами на мне обледеневшую одежду и сапоги, стащили с меня этот панцирь, тут же энергично растерли всего от головы до пят смесью, кажется, спирта со скипидаром. Конечно, еще после кружки горячего чая влили внутрь меня и солидную дозу спиртного, одели меня во все сухое и даже обули в теплые валенки (наконец-то и мне доставшиеся). Так как в палатке было полно раненых, рядом в глубоком снегу мне отрыли яму, дно которой устелили хвойным лапником и прикрыли его частью плащ-палатки. Уложив меня туда, закрыли второй половиной плащ-палатки, «утеплили» ее сверху тоже еловыми ветками и... засыпали толстым слоем снега, оставив отверстие для доступа воздуха. Хорошо разогретый растиранием, да и внутренним «компрессом», я почти мгновенно заснул мертвецким сном.

Утром выбрался я из своей «берлоги» с чувством хорошо отдохнувшего и снова полного сил и энергии человека. Я не получил даже банального насморка, обычного для таких переохлаждений, не говоря уже о воспалении легких или каком-либо бронхите. А последствием этой купели и заметного переохлаждения была выступившая у меня через несколько дней на шее и некоторых других частях тела так называемая пиодермия или, по-другому, какой-то локальный, мелкий фурункулез. Как мне объяснил потом всезнающий Степан Петрович, это был результат мобилизации внутренних сил организма, возникающий именно в условиях лишений и сверхнапряжений. И даже, как я узнал позже, инфекционными болезнями во время войны люди болели реже и легче, не говоря о том, что вовсе не возникали какие-либо масштабные эпидемии. В моем случае, наверное, сыграла свою роль, кроме того, и моя дальневосточная закалка, как с детства, так и полученная в период воинской службы там. Между прочим, как я узнал позднее, Степан Петрович – бывший штрафник, оставшийся в офицерских кадрах штрафбата после реабилитации. Да и его помощник, лейтенант Ваня Деменков, оказывается, тоже из бывших штрафников, так что наша штрафбатовская медслужба была, образно говоря, «дважды штрафной». О таких случаях почему-то в батальоне не принято было распространяться, хотя я знал и несколько других таких случаев и с большим уважением относился к этим офицерам.



Пока я отсыпался в своей снежной берлоге, наши подразделения выполнили свою задачу и даже сумели продвинуться к деревне Озеряны, где и был введен в прорыв стрелковый полк. Как мне потом рассказали, этот ввод был обеспечен мощным залпом гвардейских минометов, именуемых «катюшами». И вот, то ли одно подразделение штрафников успешнее других продвинулось вперед и расчетам «катюш» не успели об этом сообщить, то ли в батарее гвардейских минометов кто-то ошибся в расчетах при подготовке данных для стрельбы, но несколько реактивных снарядов взорвалось в непосредственной близости от штрафников. Правда, кое-кому показалось, что это наши летчики обронули случайно несколько бомб. Но бывший рядом с тем событием лейтенант Янин Иван, с которым мы потом служили в одной роте у капитана Матвиенко и который, как мы все потом узнали, отличался исключительной честностью, утверждал, что это был именно неудачный залп «катюш». К сожалению, при этом не обошлось без потерь среди наших бойцов, но, как говорили многие очевидцы этого инцидента, всем стало понятно, почему немцы так панически боялись залпов «катюш».

Здесь я несколько нарушу хронологию своего повествования.

К 50-летию Победы в 1995 году Российское телевидение подготовило большую серию передач под общим названием «Моя война». Я тоже был избран участником этих передач. Наверное, потому, что авторы этой серии были знакомы с военной судьбой нашей семьи по очерку Инны Руденко «Военно-полевой роман», напечатанному в «Комсомолке» еще к 40-летию Победы.

По итогам бесед с некоторыми участниками этих передач, от маршала Язова Дмитрия Тимофеевича до рядовых, газета «Комсомольская правда» печатала обширные материалы об их боевых буднях. Потрясающая правда о войне!

Но одна публикация поразила меня откровенным лукавством. Это помещенный в «Комсомолке» за 14.12.1994 г. рассказ бывшего начальника разведки дивизиона «катюш» Георгия Арбатова, «готовившего иногда» данные для стрельбы. Ну хотя бы потому, что он «видел, как летят куски человеческих тел» от взрывов реактивных снарядов. Каким же сверхъестественным зрением обладал рассказчик, если с закрытых позиций, что для «катюш» было незыблемым правилом, он «видел» это. А мы в непосредственной близости от немецких траншей видели в этих случаях только сплошную полосу огня и вздыбленной земли. И никаких «кусков». Или как он, Арбатов, «пару раз из личного оружия попадал в немцев». Что, из пистолета? И тоже с закрытых позиций? Пусть эти

утверждения Георгия Арбатова останутся на его совести, но если среди готовивших данные для стрельбы «катюшам» попадались не совсем честные люди, то результатами этих стрельб могли быть и такие, как у нас за Друтью. Кстати, о неправде из уст академика Арбатова упоминает в своей книге «Записки командира штрафбата» Михаил Сукнев, где автор недоволен утверждениями Арбатова о том, что штрафников «караулили сзади заградотряды», и говорит прямо: «Неправда! У нас их не было».

Однако вернемся в февраль 1944 года. После ввода в бой стрелкового полка наши подразделения были отведены в распоряжение батальона. К сожалению, дальнейшего значительного развития это наступление не получило.

А пока мы, вернувшиеся из-за Друти, практически не получившие ни часа отдыха, но с новым пополнением, срочно погрузились на поданные автомобили и уехали в район восточнее города Быхов.

Был уже конец февраля, но природа разразилась таким мощным «снеговалом» (снег не падал, а валил несколько дней!), что едва мы прибыли в назначенный район, как все дороги и подъездные пути стали просто непроходимыми, а не только непроезжими. Как говаривали наши остряки, погода тогда была «диетической», потому что почти неделю из-за невозможности подвезти продовольствие наш суточный рацион горячего питания состоял из растопленного в походных кухнях снега (вот в чем недостатка не было!) и приготовленного из него «бульона». А он, кроме кипятка талой воды (говорят, очень полезной для здоровья), содержал довольно редко попадающиеся жиринки и какие-то вкрапления от американской свиной тушенки (1 баночка на роту!), называемой нами тогда «второй фронт». К этому добавлялось по сухарю. И никакой возможности чем-то сдобрить это «диетическое» блюдо.

После прекращения многодневного снегопада и расчистки дорог намечавшееся было наступление, видимо, отменили, и нас снова отвезли, но уже не в Майское, а в соседнее село Городец, хорошо знакомое многим еще по пребыванию нашему в Майском, ибо расстояние между ними большим не назовешь. Так что многим восстановить старые связи с жителями не составляло трудностей.

Ну а в общем-то, шел к концу период нашего пребывания в составе 3-й армии генерала Горбатова. До самого конца войны у нас прочно держалось впечатление от того, каким душевным генералом он был. Даже когда я после войны учился в Военно-транспортной академии в Ленинграде, то планировал по ее окончании, при удобном распределении, попасть в воздушно-десантные войска, потому что ими тогда командовал этот

легендарный генерал. За год до окончания академии на посту командующего ВДВ Горбатов сменил генерал Маргелов, но моему желанию было суждено сбыться, и мне посчастливилось послужить и с этим, таким же легендарным военачальником.

Наверное, здесь уместно привести одну то ли быль, то ли легенду о генерале Горбатове. После взятия Рогачева через уже разбитый и непрочный лед Днепра саперы навели временный деревянный мост. По своей ширине он допускал движение техники только в одну сторону. Поэтому коменданту переправы был передан приказ командующего пропускать в первую очередь автомобили с боеприпасами, артиллерию и другую легкую технику в сторону фронта. Когда у переправы скопилось много машин, идущих к передовой, на другом берегу собралось несколько «виллисов». Комендант переправы, крепкий и рослый майор, выполняя приказ, не пускал их на мост. Ведь для этого нужно было остановить поток машин к фронту.

Из одного «виллиса» вышел генерал Горбатов и потребовал срочно пропустить его машину. Майор, ссылаясь на приказ, отказался сделать это. Разозлившись на непослушного коменданта, генерал вдруг огрел его своей всем известной палкой. Реакция майора была мгновенной и неординарной: он резко повернулся и, то ли не признав Горбатова, то ли просто не раздумывая, наотмашь ударил генерала, который, скорее от неожиданности, потерял равновесие и, проломив невысокие перильца моста, упал в снег. Что тут началось! Из машины командующего и сопровождающих его «виллисов» выскочило несколько офицеров. Одни бросились поднимать генерала, другие схватили майора и скрутили ему руки. Генерал, отряхиваясь от снега, подошел к майору, приказал отпустить его и велел принести свою флягу.

Вся армия знала, что их командующий вообще ни при каких обстоятельствах не пьет спиртного и даже не курит. Об этой своей особенности Александр Васильевич не один раз упоминает в своих мемуарах. Прочитав их, я узнал, что это еще в юности он дал слово никогда не пить, не курить и не сквернословить. Вот еще слова о куреве из его книги: **«Сам я никогда не курил, но для особо симпатичных посетителей у меня всегда имелась пачка хороших папирос»**. Если мне здесь будет позволена некоторая нескромность напомнить о себе рядом с таким общеизвестным командармом, то скажу, что я вот курил всю войну (и даже трубку!) и долгие послевоенные годы. Несколько раз бросал эту вредную привычку, но всегда почти по Марку Твену: «Бросить курить очень легко, по себе знаю. Сто раз бросал». И только более чем через сорок

лет по настоятельному требованию медиков бросил навсегда. И помогло мне преодолеть эту многолетнюю тягу к табаку то, что, решившись на этот шаг серьезно, я всем своим сослуживцам и знакомым заявил, что на этот раз бросил **окончательно**. А не сдержать свое слово я не мог, в моем характере с детства укоренилось правило не сорить словами и, уж если дал слово, держать его!

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

---

**notes**

## **Примечания**

**1**

Замкомвзводами тогда назначались офицеры постоянного состава.

Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. Краткая история. Издание 3-е. – Москва. Воениздат. 1984. С. 245.



Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. Краткая история. – Москва. Воениздат. 1967. С. 334.